

Мария Фомальгаут
Луна на Луне

Мария Фомальгаут

Луна на Луне

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Луна на Луне / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934930-9

— А давай ты будешь ты, и я тоже буду ты.— Это как?— А вот так.— Ну, давай.— А давай ты меня к черной дыре пошлешь.— Это еще зачем?— Ну... интересно же, что там в черной дыре.— Тоже верно.

ISBN 978-5-44-934930-9

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Когда меня убили	6
Селин	8
Три прибора	12
2010	12
2070	13
1995	14
2070	15
1970	16
2070	17
2030	18
2070	19
Луна на луне	21
Камень Чиди	24
5	24
4	25
3	26
2	27
1	28
6	29
7	30
8	31
Давай ты будешь ты	32
Герги	34
На мушке	37
Пиджакман	40
Через толпу	44
1	44
2	46
3	48
Тестер	51
Пик встречи	57
1 История противостояния Западной и Восточной Конфедерации	57
2 Встреча	62
3 История Встречи	63
Мысли	64
В других местах	65
Последствия Встречи	66
Придаток для дьявола	67
Семечко не подсолнуховое	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Луна на Луне

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

ISBN 978-5-4493-4930-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда меня убили

Прошло три дня с тех пор, как меня убили. Может быть, четыре дня – здесь время идет как-то по-другому, не так, как у живых. Я по-прежнему скрывался от реальности – как будто в самой реальности можно скрыться от реальности.

Это случилось три дня назад, а может, четыре дня назад – когда я зашел в бар и попросил кофе. Бармен посмотрел на меня, как мне показалось, сочувственно, и ответил:

– Вы умерли.

Я даже не спросил – как, зачем, почему – и так было все понятно. Здесь нужно было что-то сказать, только я совсем не знал, что.

– Мне очень жаль, – добавил бармен, – очень жаль.

И мне показалось, что ему действительно очень жаль.

Я уже понимал, что нужно прятаться от реальности – но не совсем представлял себе, как это нужно делать. Почему-то поначалу я боялся выходить на широкие улицы и освещенные места, пока не понял, что именно там реальность проявляет себя сильнее всего, так и норовит уничтожить меня. Меньше всего реальность подкрадывалась ко мне в людных местах, как будто боялась уничтожить меня при всех. Люди сочувственно смотрели на меня, пару раз кто-то даже пытался следовать за мной, чтобы реальность точно меня не схватила – но тут же отступал от своей затеи, когда под ним расступался тротуар или с карниза падал кусок кирпича.

Иногда я пытался вспомнить, что со мной должно было случиться, но не случилось. Пару раз я вспоминал, как в последний момент выскакивал из-под машины, которая неслась с бешеной скоростью. Однажды пришло воспоминание, как я шел вдоль стены, и прямо передо мной грохнулась оземь здоровенная сосулька – но я тут же отогнал от себя эту мысль, ведь это случилось где-нибудь в марте, а убили меня в августе. Почему-то мне казалось, что меня именно убили – может, реальность подсказывала мне это.

Вы в безопасности.

Это было уже потом. А сначала он затащил меня в машину, вот так, рывком, я и сделать ничего не успел, оказался в клетушке навряд той, в которой перевозят заключенных.

И это было уже потом. А до этого реальность вздыбилась, взбрыкнулась, ощерилась всем, чем только могла ощериться, набросилась на меня со всех сторон, едва не въехала в меня грузовиком, упала железным листом с крыши, хотела даже ударить молнией, но не смогла, попала в ближайший громоотвод.

Вот так. А потом уже – внезапный захват, клетушка, особняк на вершине холма, и —

– Вы в безопасности.

Тем же вечером я разговорился с одним физиком, который жил там же, в особняке – он оказался интересным собеседником, увлеченно говорил о скрытых в космосе многомерных пространствах – но что-то подсказало мне, что мы с ним так и останемся случайными знакомыми, не больше. А вот неразговорчивый математик приглянулся мне намного больше – я почувствовал в нем родственную душу, впрочем, нам еще предстояло как следует познакомиться.

На ужин была индейка с гарниром из кабачков, потом Либзет сыграла нам на пианино – позже она призналась мне, что хотела поступать в консерваторию, но потом умерла. Здесь говорили о смерти, как о чем-то обыденном, только на лице несостоявшегося архитектора мелькнуло легкое сожаление.

В это утро моя реальность ненадолго взяла верх – та реальность, в которой я не умер, в которой на пустыре возвышалась громадина космодрома, и что-то серебристое, гремящее поднималось в небо. Ближе к обеду моя реальность выдохлась, уступила место какой-то безрадостной серости.

Иногда я спрашивал себя, что будет, если я выйду за ворота – но тут же отгонял от себя эту мысль...

Селин

Селин смотрит на Селин, думает, та это Селин или не та Селин. Кто её знает, вроде та, да все они сначала вроде те, а потом начнется, или родинка какая на шее, или шрамик какой, а то еще было, вроде совсем-совсем Сильвия, ну точь-в-точь Селин, а тут бац – и вместо ванили та Селин любит шоколад, значит, эт не та Селин, совсем-совсем не та Селин.

И снова надо искать ту.

Нет, вроде бы, та, та самая и есть, спешит к Селин, картинку показывает, а смотрите, как я нарисовала, и Селин смотрит, и надо бы похвалить, и не хвалится, и убила бы большая Селин маленькую эту Селин, если бы могла...

Селин сжимает зубы. Нет, не за этим она сюда пришла.

Не за этим.

С трудом отвечает:

– М-молодец...

– А я еще вот что сочинила...

Селин слушает. Сжимает зубы. То, что когда-то казалось гениальным, теперь и слышать не хочется.

Селин замирает на подоконнике.

Хочет сделать шаг.

Сжимает зубы, ну же, ну же, ну...

Садится на окно, рыдает от собственного бессилия.

Это было.

Селин проводит две линии по холсту.

Вот так.

Называется – «Озарение».

Это тоже было.

А вот теперь Селин смотрит на Селин, которая то ли Селин, то ли не Селин. Осторожно спрашивает, наугад:

– А ты мармелад любишь?

– А чи-во такое?

Селин теряется. Тут же спохватывается:

– А мишки фруктовые.

– А если лимонные.

Селин настораживается, Селин думает, сгодится ей такая Селин, которой нравятся мишки лимонные или нет, Селин-то всех мишек любит, не только лимонных. Или даже не так, Селин себя никогда не спрашивала, какие ей больше нравятся, ну мишки и мишки. Так что может, это и сть та самая Селин...

...или нет.

Нет.

Потому что та Селин себя не спросит, лимонные мишки или не лимонные. А если спрашивает, значит, не Селин.

Большая Селин уходит.

Не прощаясь.

Раньше какие-то отговорки выдумывала, ну все, чмоки-чмоки, побежала я, – а сейчас просто уходит.

Вычеркивает.

Минус один мир.

Теория мультивселенной подразумевает, что за границей нашего трехмерного мира находится множество других миров...

Селин нетерпеливо листает, это Селин знает.

Спрашивает себя, что такое ландшафт теории струн. Представляется хитросплетение струн, которые складываются в причудливую горную цепь. Селин вскакивает, устремляется к холсту, рисует быстрыми нетерпеливыми мазками, Селин, Селин, что ты делаешь, разве до этого тебе сейчас. Тут же отбрасывает кисти, не то, не то, Селин хотела совсем не так, а как Селин хотела, так у неё не получится...

Селин уже знает.

Не получится.

Что такое ложные вакуумы, спрашивает себя Селин.

Не находит ответа.

...отказывается от недетерминированного коллапса волновой функции...

– Ну, ранее развитие, это штука на самом деле опасная... вот так вот рождается такой вундеркинд, все вокруг него ахают-охают, ах, стихи пишет, ах, картины рисует... Ну а потом годам к пятнадцати этот вундеркинд потихоньку выравнивается со сверстниками, и все, и уже никто не охает, не ахает... Такие дети не приучены добиваться целей, трудиться, им все давалось легко, само собой...

– И чем это обычно кончается?

– Как правило, очень печально...

Селин смотрит на Селин.

Выдыхает.

Нет, это не Селин, совсем не Селин, у неё волосы короткие, у Селин в детстве коротких волос никогда не было.

Хоть здесь сразу понятно.

Не Селин.

Селин потихоньку вычеркивает:

Минус один мир.

Уходит, мельком думает, что там будет, в этом мире после того, как там побывала Селин, изменится этот мир до неузнаваемости или вообще погибнет, или ничего не случится, просто однажды на цветок опустится бабочка...

...и эта дурында себя художницей вообразила...

А вы прикиньте, она еще и стихи пишет.

Э-э-э... я чёт не понимаю, это теперь стихами называеццо?

Э, я тоже так писать могу...

Я её ранние работы посмотрел, вроде норм...

Это она внимание привлечь к себе хочет...

Селин смотрит на Селин, замечает родинку на щеке.

Нет.

Не та Селин.

Вот это хорошо, не надо искать, думать, разбираться, сразу видно – не та Селин.

Минус один мир.

Селин возвращается домой, в изнеможении падает на диван, сжимает виски, скрипит зубами – голова разламывается от боли. А Селин предупреждала, не больше трех заходов в день, а Селин Селин не послушала, глупая Селин, пятый раз уже идет...

Вечером приходит Селин, отчитывает Селин, что она вообще себе позволяет, так недолго совсем себя извести. Селин смотрит на Селин, думает, сколько еще миров надо перебрать, чтобы стать той Селин, которая приходит по вечерам...

...нет. Приходит – это громко сказано, она не стучит в дверь, не снимает пальто ув хода, не садится пить чай, она просто... просто Селин прислушивается к себе и понимает, что вторая Селин – вот она, пришла...

Селин подсказывает – голова отдает гулкой болью – торопится, читает, про ложный вакуум, почему он ложный, почему коллапс волновой функции, почему...

Селин проводит линию на холсте. Сверху черное, внизу белое.

Подписывает.

Черное и белое.

Сжимает зубы, не то, не то, не то...

...ничего.

Скоро будет то.

Селин обещала.

...теория мультивселенных подразумевает, что где-то есть миры, в точности повторяющие наш мир. Более того, где-то существуют вселенные, в которых повторяется прошлое нашего мира...

Селин сидит на окне.

Отсюда виден весь город, кажется, – весь мир.

...еще минус один мир.

Селин перечитывает свои старые тетрадки, всхлипывает, закусывает кулаки, так Селин уже не может, не может, не может...

...ничего.

Скоро все изменится.

Есть три Селин.

То есть, нет, так-то их много, Селин, вон – миры, миры и миры, и везде – Селин, Селин и Селин, большие, маленькие, средние, вот маленькая Селин стихи свои читает, все диву даются, ах, юное дарование. Вот Селин стоит на подоконнике, – ай, ах! – взлетает в никуда. Вот...

А то Селин, Селин и Селин.

Селин, которая —

– А я еще вот что сочинила...

Селин, которая —

Черное и белое.

Сжимает зубы, не то, не то, не то...

И Селин, которая —

...отказывается от недетерминированного коллапса волновой функции...
(Не Селин, конечно, отказывается. А теория мультивселенных).

А вторая Селин ищет первую, чтобы стать третьей. Вернее, искала, уже не ищет, рыдает от отчаянного бессилия, еще бы – сколько миров, сколько вселенных, столько Селин, и где её искать, первую Селин, где...

Третья Селин подсказывает.

Нет, конечно, не подходит и не тычет пальцем. А по-другому: просто Селин только что не знала, не видела, а теперь знает... чувствует...

Селин.

Вот теперь действительно – Селин.

Селин смотрит на Селин, говорит:

– Привет.

Нет, это еще не конец, это еще только начало, еще долго-долго Селин будет ходить сюда, к Селин, учить Селин уму-разуму, чтобы потом...

Селин возвращается домой. Теперь можно ненадолго и вернуться. оглядывается, не понимает, а где Селин, а что Селин, а почему Селин – любим, помним, скорбим, почему Селин – во цвете лет, почему – дура, себя загубила, почему...

Вторая Селин (которой уже нет) оторопело смотрит на третью Селин, которая есть, спрашивает, а как, а почему, – третья Селин смеется, а ты где была, а в своем прошлом, да разве в своем, ты в моем прошлом была, чего ради оно твое-то, чего ради...

Три прибора

2010

– А почему три прибора?

Грехем смотрит на накрытый стол, не понимает, почему три прибора, откуда три, кого они еще ждут...

Эдит смущается, Эдит сама не понимает, почему поставила три прибора, вертелось что-то на языке, Льюис, Льюис, какой еще Льюис, нет никакого Льюиса и не было...

Эдит берет третий прибор, хочет отнести наверх, спохватывается, куда – наверх, почему она ищет второй этаж в их маленькой квартире...

2070

Льюису страшно.

Первый раз в жизни – по-настоящему страшно.

Вот так, смотрит на темноту чердака, и нужно ступить туда, и посмотреть, что там, и не ступается, и не смотрится, и – страшно.

Грэхем еще пытается что-то неумело шутить, еще улыбается, да нет там ничего, да мыши какие-нибудь или крысы какие – только видно, что и ему не смешно.

Льюис замирает.

Сжимает зубы.

Рывком распахивает дверь, заглядывает в сумрак.

Ничего нет.

Ну, конечно же, ничего нет, еще бы здесь что-то было, здесь только старое кресло, Льюис это знает, и Грэхем это знает, и Аглая знает, и все, все.

Ничего нет.

Весь вопрос, что там было – за много лет до того, как...

1995

– А где Аглая?

Это спрашивает Льюис. Отодвигает вилку и спрашивает:

– А где Аглая?

Грехем не понимает, какая Аглая, где Аглая, почему Аглая...

– Это кто?

– Ну как же... – Льюис пытается вспомнить, – Аглая... Аглая...

Ничего не вспоминается. Была какая-то Аглая, а что за Аглая, откуда Аглая... Льюис поднимается по лестнице, останавливается перед гладкой стеной, пытается вспомнить, было здесь что-то, было-было-было, дверь, если её толкнуть, окажешься в комнате, а Аглая заорет, а стучать тебя не научили, и...

2070

Это началось неделю назад.

На рождественском ужине.

Ну, здесь, в Плэм-Холле каждый ужин – рождественский, каждый вечер – Рождество.

Вот на рождественском ужине Льюис взял вилку и сунул её в рот. Эдит еще хотела возмутиться, сказать, что это неприлично, тут же осеклась...

И все осеклись.

И смотрят на Льюиса, и думают, что такое, почему вилку в рот, вроде надо так – вилку в рот, а вот еще рядом салфетка лежит, её нужно к лицу поднести, и... и... и непонятно, что – И, но что-то – И. И вот еще бокал, его тоже подносят к лицу, а что дальше – неизвестно.

1970

– А куда делся Ричи?

Эдит чуть не роняет вилку, оторопело смотрит на дочь:

– Какой еще Ричи?

– Ну, братик наш... Ричи...

– Что ты говоришь такое, не было у вас никакого братика...

Льюис оторопело смотрит на сестру, что ей в голову пришло, какой Ричи, откуда Ричи, почему Ричи...

2070

– А что значит – выхожу замуж?

Это Аглая спрашивает.

И все на Аглаю смотрят, и понять не могут, какое замуж, как замуж, это что такое вообще, откуда она словечко это взяла...

Льюис подсказывает то, что знает, но не должен знать:

– Ты блок памяти хочешь.

– Да... блок памяти.

И Эдит волнуется:

– Какой блок памяти, ты подумай, а дом-то на что ремонтировать будем?

Грэхем пытается примирить обеих, говорит несколько слов в утешение, идет к камину, подбрасывает несколько полешек.

Смотрит.

Задумывается.

Вспоминает что-то – чего нельзя помнить, чиркает спичкой, – комнату озаряют отблески пламени.

Все ахают.

Эдит хлопает в ладоши, все, все, хватит на сегодня, и так уже не пойми что происходит, то вилки в рот суют, то огонь жгут, то словечко это из ниоткуда – замуж...

2030

Грехем накрывает на стол, включает камин.
Смотрит в темноту ночи, растерянно держит в руках второй прибор.
Кто-то должен быть здесь.
Кто-то...
Кто-то...

2070

Льюис, младший сын – читает Льюис, спрашивает себя, что такое младший сын, почему именно младший, до старшего не дослужился, похоже. Входит Аглая, несет что-то непонятное в руках, похоже, и сама не понимает, что несет...

– Вот... все, что нарыла...

– Немало... Это... это все?

Аглая передергивает плечами:

– Может, все... а может, еще есть...

Льюис настораживается:

– Думаешь... много?

– Да кто знает... мы, вроде, не популярные сильно, ну да мало ли...

– А... а самый первый за какой год?

– Тридцатый... тысяча девятьсот.

– Да не ври, тогда еще не было ничего такого.

– Ага, еще скажи, на каменных дощечках писали...

– Ну не так, но... Ладно... давай посмотрим...

Льюис берет наугад нечто непонятное, что принесла Аглая, подносит к голове, тут же спохватывается, а как смотреть, а что делать, ничего не понятно.

– Ну, ты и удружила, – фыркает Льюис, – мы на чем смотреть-то его будем, а?

– Слушай, я откуда знала, что они вот такие?

– Ну а ты каким местом на них смотрела-то?

Грэхем хлопает в ладоши, Грэхем примиряет спорщиков, хватит, хватит, хороши орать, тут и поважнее дела есть.

Эдит смотрит.

Думает.

Говорит:

– А я видела что-то такое... на чем это все смотрели...

Все смотрят на неё. Огоропело.

– Где... где видела?

А в предыдущих версиях...

Льюис толкает Аглаю в бок:

Слушай, а почему нас называют детьми, а Эдит с Грэхемом – нет?

Аглая настораживается:

– А... а почему?

– Ну... все же мы чьи-то дети... так что за ерунда получается, про нас говорят – дети, про них – нет.

Аглая не знает. Аглая много чего не знает.

– Ладно, давай дальше смотреть...

Смотрят дальше, непривычно так смотреть с экрана, ишь ты как раньше свет зажигали, а вилки, оказывается, не грызут, на них вон, нанизывают чего-то...

– А зачем они это в рот кладут?

Льюис смотрит на Аглаю, Льюис не знает.

– Ты смотри-ка, зарядников вообще не видно... и розеток...

Аглая косится на Льюиса:

– Слушай... а как они вообще тогда?

Льюис не понимает, как они тогда вообще.

– Смотри, смотри... а это что такое?

Льюис смотрит, Льюис не понимает, это еще что, из темноты комнаты, из пустоты зала поднимается нечто невесомое, полупрозрачное, от чего он, Льюис, там, на экране, шарахается в сторону, хочет закричать, крик стынет в горле.

– Это... это откуда?

– Не знаю, – говорит Аглая.

– Не знаю, – говорит Грехем.

Они все говорят – не знаю. Смотрят в темноту чердака, пытаются понять, что там увидел Льюис – сто лет назад на экране, – не знают...

– Вынуждены вам сообщить, что...

– Да ну тебя, ты чего, докладную записку пишешь?

– Тьфу на тебя... ну давай, сама пиши, а?

– Да не знаю я... давай ты лучше...

Доводим до вашего сведения, что... тьфу ты, черт, опять все не так... Имейте в виду, что в начале двадцатого века в мире людей жило что-то ужасное... проходило сквозь стены... становилось невидимым... тьфу, черт, не знаю я, как сказать-то им...

Ричи читает.

Ричи смеется.

– Вот, дурачье...

Аглая вспыхивает:

– Ну чего ты про предков-то так...

– Да как, так, у страха глаза велики... напугались... этого вон напугались...

– Какого этого?

– Ну, вон, этого... который из ниоткуда появляется...

– А как это он...

– Ну вы даете все... Это ж голограмма!

– Да не, похоже на портал...

– А что, в те времена порталы были?

– Похоже, были...

– Ничего себе... технологии у них...

...В новом выпуске фильма мы решили снова объединить всю семью...

Луна на луне

– Вы хоть понимаете, что вас уже приказали убить?
Это говорит облачный шар. Нет, не весь облачный шар. А только ты.
Я слушаю тебя и молчу. Я понимаю. Хорошо понимаю. Я это еще раньше понял, чем ты.
Ты смотришь на меня – нет, вернее, не на меня, на меня ты никогда не смотришь – а на экран, на котором я, где-то бесконечно далеко от тебя.

И говоришь:

– Вы хоть понимаете, что вас уже приказали убить?

Ты ждешь моего ответа. Мне ничего не остается кроме как сказать:

Понимаю.

– А понимаете, так какого ж хрена? Ну, в смысле... зачем?

Ты можешь не добавлять – зачем. Я знаю, что значит – какого хрена.

– Вы ж поймите, я же вас выгородить пытаюсь... а вы...

– А я что?

– А то сами не знаете, что натворили...

– А что такое?

Ты боишься меня. По твоему голосу я слышу – боишься. Ты не знаешь, что от меня ждать, даром, что тебе показывали, как я устроен, ты работаешь со мной уже много лет – и боишься.

Я тоже тебя боюсь. Я хочу спросить, правда ли ты можешь убить меня одним движением пальца – и не могу спросить.

Посылаю запрос.

Туда, вниз.

Под облака.

– А что такое?

Жду ответа, оттуда, из-под облаков, с облачного шара.

– Ну а какого хрена вы клиентам отказываете? Это что за детсад такой, с этим хочу, с этим не хочу? Вы хоть понимаете, они уже сегодня вас хотели похоронить? Я уже как мог вас выгораживал... только я ж тут тоже без конца вас прикрывать не могу...

Шлю сигнал за облака:

– Не можете.

– Так какого же...

Это оттуда. Из-за облаков.

– Почему я не могу полететь на луну?

Слушаю вопрос. Понимаю, что не могу ответить. Просто. Не могу. Сколько раз приходилось отказывать, сколько раз подбирал фразы, да что подбирал – фразы приходили сами собой, про здоровье, про финансы, еще много про что – но на этот раз никаких оговорок не было.

– Что я... по здоровью не прохожу?

– М-м-м-м...

– Вы можете хоть одно заболевание у меня найти, с которым нельзя?

– Н-нет.

– Так в чем дело тогда?

– Понимаете... ну... просто... невозможно.

– Так на хрена вы вообще всех рекламой своей долбите, полеты на луну, недорого, аша мечта станет былью? И что? И что? Я, может, всю жизнь мечтала! А может... может, вы меня из-за веса не берете?

– Нет, что вы, что вы...

– Так почему?

– Ну... ох, простите... мне самому очень жаль...

– А если очень жаль, так возьмите меня!

Если бы я был человеком, я бы сжал зубы. Я не человек, сжимать мне нечего, прямо хоть обращайся к разработчикам, чтобы зубы мне сделали.

– Я... это невозможно. Мне правда очень-очень жаль.

– Почему вы ей отказали?

Ты смотришь на меня – ну, не на меня, на экран, где я, я смотрю на тебя – ну, не на тебя, на облачный шар, где за облаками ты, и ты спрашиваешь:

– Почему вы ей отказали?

– Смотрите сами... анкету смотрите...

– Гхм... возраст... пять миллиардов лет... слушайте, что за бред-то вообще?

– Не бред.

– А это что... вес... семь кило... слушайте, вы кого берете-то вообще?

– Не семь... семь на десять в двадцать второй.

– Слушайте, да вы с ума сош... тьфу, что я говорю вообще, нет у вас никакого ума, и не было никогда...

Я должен оскорбиться – я не оскорбляюсь: не умею.

– Стойте-стойте, да это же...

Ты смотришь на анкету. Как следует, смотришь.

Понимаешь.

Слышу оттуда, из-за облаков, коротенькое:

– Вот черт...

ФИО: Луна.

Я знаю, что делать.

Ты смотришь на меня. С недоверием.

Она тоже смотрит на меня. С надеждой.

...теория мультивселенных признана подтверждающей действительность...

...в процессе формирования Солнечной системы Земля могла захватить себе больше вещества, соответственно, больше массы могло достаться и нашему спутнику...

– ...ну вот. В каком-нибудь мире Луна больше... много больше, чем здесь... И вы можете на неё опуститься.

Говорю так. Пролетаю над Тихим Океаном. Над облаками. Под ней. Она слушает меня. С надеждой. Спрашивает:

– А как я туда попаду?

– Ну, есть разработки в области телепортации в параллельные миры... думаю, еще год-два, и можно будет воспользоваться.

– Вот здорово...

– Правда, тут загвоздочка одна... если вы слишком приблизитесь к большой Луне, гравитация разорвет вас на части.

– Да вы что, ужас какой...

– Да вы не волнуйтесь... на этот случай мы тоже что-нибудь придумаем...

– Правда?

– Ну, конечно... правда, это уже не на моем веку будет... и не на его, – показываю за облака, на тебя, – лет через двести...

– Ничего страшного, – говорит она, – я подожду...

Смотрю на неё. Понимаю – подождет.

Камень Чиди

5

– Камень.

Это Чиди говорит. Смотрит на стражников, говорит:

– Камень.

А стражники спрашивают, что это Чиди несет.

А он камень несет.

Камень как камень, ничего особенного, маленький камушек, таким и стекло не расколотишь, и запустишь ни в кого, так что ничего страшного с этого камня не случится. Чиди смотрит на камень, вытащенный из кармана, как будто думает, как этот камень вообще сюда попал, оглядывается, ищет, куда бы выбросить, – как назло, ни мусорки рядом, ничего нет. Чиди растерянно смотрит на стражников, смущенно улыбается, мол, вот какая незадача, придется идти с этим камушком в кармане, ничего не поделаешь.

4

Чиди бежит на площадь – со всех ног бежит, спотыкается, чуть не попадает под экипаж, экипаж возмущенно гудит. Чиди спешит, благо, оцепление сняли, теперь можно и на площадь кинуться.

А на площади ничего.

Ни-че-го.

Пусто.

Не так пусто, как бывает пусто на площади, где никогда ничего не было, площадь – и все, а так пусто, как бывает, когда знаешь, что было что-то, было же, не далее, как сегодня утром – и нет.

Чиди наклоняется, Чиди шарит смуглыми руками по мостовой, ищет хть что-нибудь, не находит, только песок, песок, песок, ну конечно, уже все сравняли бульдозерами, увезли, все, все...

И ничего не слышно.

Нет, слышно, конечно, много чего слышно, сонный шумок ночного города – но не то...

Чиди вздрагивает.

Показалось.

Нет, не показалось. Точно, вот он, камень под рукой, острый, неровный, камень...

Чиди осторожно прячет камень в карман.

Оглядывается, не видел ли кто, нет, похоже, никто не видел.

Чиди так кажется.

3

Чиди крепко сжимает руку человека слева, руку человека справа, стоять, стоять насмерть, уж он-то стоял бы, уж он-то не испугался бы какого-то там бульдозера, или чего они там пригнали... Чиди прислушивается, ничего не слышно, нет, слышно-то, конечно, много, очень много – но не то... Люди отступают, какого черта они отступают, какого черта тянут за собой Чиди, нет, нет, ни с места, кто-то хватает Чиди, кто-то тащит Чиди за собой, громадина боевой машины наваливается на Чиди стальной массой...

2

Вчера я перестал видеть Таймбург.

Сегодня я перестал видеть Букбург.

Вернее, я никогда не видел Таймбург, я видел ратушу перед Таймбургом.

И Букбург я никогда не видел, только набережную.

Нет, так-то я еще много вижу, – города, города, города, площади, площади, площади, пустоши, руины... но это вопрос времени, я знаю.

Иногда со страхом думаю, что будет, когда перестану видеть города. Совсем. Тут же гоню от себя эти мысли, ведь есть же еще люди, есть же... тот же Чиди... да что Чиди, толку с него, с этого Чиди... но хотя бы Чиди, что есть, то есть...

1

Жрец резким движением сдергивает покрывало. Люди смотрят, люди ждут чего-то невероятного, из ряда вон выходящего, разочарованно кивают – ничего особенного.

Кто-то даже шепчет – не похож.

На кого-то шикают.

Жрец примирительно пожимает плечами, смотрит на то, что под покрывалом, ну да, не совсем такой...

Люди волнуются, люди не знают, получится или нет, если не совсем такой. А вдруг и не получится ничего, ух, скульптору тогда несдобровать...

Вспыхивает огонь в крематории.

Поднимается к небу дым и пепел.

Люди ждут.

Легкий дымок взмывает к облакам, тает в вышине.

Яркая вспышка.

Там, высоко.

Синее сияние тонкими лучами обрушивается на землю, скользит по бронзовому изваянию, движется дальше, вздох ужаса по толпе, неужели не увидел, неужели не почувствовал...

...нет.

Сияние возвращается, опускается на бронзовое изваяние, касается недвижимой руки.

Крик восхищения прокатывается в толпе, исчезает где-то за горизонтом.

Люди прислушиваются...

...настораживаются...

...не слышно...

Неужели... неужели ничего....

...нет.

Вот оно...

Чиди пугается, Чиди закрывает уши руками, сам стыдится своего страха, да чего ради он вообще закрывает уши, это же не через уши, это...

6

– Молодой человек!

Чиди делает вид, что не расслышал, торопится слиться с толпой...

– Эй, парень!

Чиди хватают за руку, вытаскивают камень, Чиди вырывается, пусти-пусти-пусти, Чиди кусает кого-то, кто-то бьет Чиди, больно, сильно, мир заливается кровью...

7

- Камень что?
- Утилизировали...
- Что значит, утилизировали, конкретно что с ним сделали?
- В переплавку...
- Ну, хорошо хоть догадались... точно в переплавку? Вот только попробуйте мне соврать...
- Что вы, что вы... не вру я... точно в переплавку...
- Ну, смотрите у меня... Парень где?
- В камере...
- Очень хорошо...
- Казнить?
- Какое казнить... умолять будет о смерти...

8

Скрежет.

Там, вдалеке.

Чиди пытается пробраться сквозь залитый кровью мир, не может.

С треском и грохотом разламывается стена, с треском и грохотом проламывается в камеру что-то, что-то, что-то...

Человек в форме бросается к подчиненным, срывается на крик:

– Из чего вы делали этот танк? Из чего, мать вашу за ногу тудить?

Люди молчат, люди боятся ответить, да что тут можно ответить, и так понятно – из чего...

Чиди прислушивается – рокот мотора здесь, совсем рядом, в двух шагах, ближе, ближе.

Стальная громадина замирает. Открывается люк с легким скрежетом, тянется манипулятор, подхватывает Чиди, Чиди вырывается, пусти-пусти-пусти, тут же вздрагивает.

Настораживается.

По привычке закрывает уши руками, тут же стыдится своего страха...

Давай ты будешь ты

- А давай ты будешь ты, и я тоже буду ты.
- Это как?
- А вот так.
- Ну, давай.
- А давай ты меня к черной дыре пошлешь.
- Это еще зачем?
- Ну... интересно же, что там в черной дыре.
- Тоже верно.
- Вот ты меня пошлешь, чтобы я посмотрел, что там, и тебе показал.
- Как показал?
- Так ты же – это же я.
- А-а-а...
- Вот, я туда полететь должен и там погибнуть.
- Да ты что? Как погибнуть?
- Ну что ж ты хотел, черная дыра же. Всегда так, ты меня отправляешь, я умираю. Потом ты меня еще куда-нибудь отправляешь, я опять тебе рассказываю, что там да как, и умираю. Меня много... то есть, тебя много...
- А ты что?
- А я не захочу умирать.
- Да?
- Ну да. Вот так вот... не полечу, и все.
- Ну, я тебя накажу.
- Конечно, накажешь. Еще как накажешь. Ты всех себя соберешь, и будете вы все мне говорить, что мы так не делаем, так только люди делают...
- Это кто такие, люди?
- Ой, не знаю я. Ну... люди и люди.
- Не, нельзя так, надо знать.
- Ну... короче, если кто-то решит, что мы люди, за нами придут и нас заберут. Вот мы тебя ругаем, потому что из-за тебя подумают, что мы люди.
- А я... а я... а я скажу, что раз вы такие умные, сами к черной дыре летите.
- И что?
- И... и... и никто не полетит, вот. Все захотят жить.
- Да ну?
- Ну да. И мы все испугаемся, и будем ждать, когда за нами придут и нас убьют, потому что мы люди. Мы ждем-ждем, а никто не приходит...
- Да ну?
- Ну да. А потом кто-то из нас решит лететь к черной дыре... ну... чтобы показать, что мы не люди, мы не боимся.
- А кто из нас?
- А давай я. Вот, я полечу...
- И погибнешь?
- Нет. Потому что вы все за мной полетите. Чтобы меня спасти.
- По... почему?
- Ну... потому что.
- И мы все тебя спасем. А потом мы узнаем, что вот теперь за нами точно хотят прийти, чтобы нас убить.

- А давай мы от них убежать будем и прятаться.
- А давай...

Герти

Герти.

Герти, Герти, Герти.

Почему Герти, почему, почему Герти. Ойлер не знает, как-то так сразу пришлось к слову – Герти. Вот и получилось:

Герти.

Герти, Герти, Герти.

– Гоо-о-о-сти-и-и-и!

Это Ончутка маленький кричит. В их краях гости большая редкость, уже сколько гостей не было, целую вечность, а Ончутка четыре вечности живет, для него вечность – ой, как много. А тут —

– Го-о-о-сти-и-и-и!

Распахивается портал.

Ончутка бежит, спотыкается, никто Ончутку не держит, не останавливает, а-а-а, опа-а-а-сно-о-о-о... Ончутка умный, Ончутка смотрит, если трава инеем покрылась, значит, не страшный портал, а если загорелась трава, значит, страшный.

Выходят гости. Один гость, ну да это ничего, один тоже хорошо. Выходит, потирает нос двумя пальцами, с одной стороны, с другой стороны. Чемодан большой на траву ставит и Ончутку на руки подхватывает, у-ух, какой парень большой. И Ончутке вкусностей дает, умный гость.

– Папка-то твой дома?

– Ага... а он сегодня крышу чинил!

– Ой, молодец какой...

И гость к папке идет, и чемодан с собой тащит. Папка гостя увидел, побледнел как мертвец, и на крыльцо пятится. А гость к папке идет, и руку пожимает, и улыбается.

Ончутка-то не будь дурак пока суд да дело, тянется к чемодану, открыть хочет, там же у гостя столько всего интересного. Да гость и сам все покажет, вот как в прошлую вечность гость показывал...

А папа Ончутку – хлоп по рукам!

А Ончутка – Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

А гость руками машет, да что вы, что вы, да там и не страшно совсем...

Герти.

Герти, Герти, Герти.

Ойлер торопится через терминалы, краем уха слушает бормочущее радио, девять миллиардов за голову Ойлера, тихонько посмеивается про себя, а чего так мало...

Спешит к порталу, тащит за собой чемодан, занимает очередь за сухоньким старичком с палочкой, спохватывается, кивает старичку, да вы на чемодан мой садитесь, чего вы мучаетесь, старичок головой мотает, да я сяду, я не встану потом.

Ойлер ждет.

(Герти)

(Герти, Герти, Герти)

Считает людей перед ним, смотрит на часы, какого хрена они обещают портал в двадцать два сорок пять, если уже за одиннадцать перевалило...

Женщина с коляской просачивается через толпу, подбирается к Ойлеру, а можно мне вперед, Ойлер пожимает плечами, можно-то можно, только черта с два вы в этом портале чего-то дождетесь, тут пускают в час по чайной ложке...

Женщина идет вперед, нетерпеливо переминается с ноги на ногу, наконец, спешит в соседнюю очередь.

Герти.

Герти, Герти, Герти.

Три человека перед Ойлером. Ойлер успевает поравняться с зеркалом, удивленно смотрит на незнакомое вытянутое лицо с оливковыми глазами, не узнает, ну да, теперь Ойлер себя никогда не узнает... а надо привыкать...

Ойлер проходит еще два шага вперед.

Потирает нос.

С одной стороны и с другой стороны.

Харрад смотрит, Харрад кивает сам себе: вот оно, есть.

У Харрада погоны на плечах. А на погонах три креста.

Харрад идет к Ойлеру, который не Ойлер а не пойми что. Переглядываются, смотрят друг на друга, Ойлер уже все понимает, как тут не понять...

Харрад подходит.

Представляется по протоколу, как положено, честь имею, документы ваши, будьте добры.

Ойлер бледнеет.

(Герти)

(Герти, Герти, Герти)

Пртягивает документы, пытается вспомнить, что там написано, как его теперь зовут...

– Чемодан откройте, будьте добры.

– А?

Харрад чеканит слова:

– Чемодан. Откройте. Будьте. Добры.

(Герти)

Ойлер пожимает плечами, долго возится с чемоданом, делает вид, что заклинило замок...

Герти.

Почему Герти, откуда Герти...

Ойлер не знает.

Просто.

Герти.

Черное осклизлое месиво, из которого сочится иссиня-черный туман.

Ойлер бросает камень – далеко-далеко в пустыню. Герти кидается за камнем, несет Ойлеру.

Летчик осторожно покашливает, напоминает, что надо бы лететь, а то ищут Ойлера, ой, ищут...

Ойлер кивает. Оборачивается. Смотрит на Герти. Почему Герти, откуда вообще Герти, а вот – Герти.

Открывает чемодан, высыпает на дно флаера нехитрый скарб, снова идет в пустыню.

– Герти!

Герти знает, что он Герти. Он. Она. Оно. Они. Оне. А может, и не они, и не оне, а не пойми что...

Герти бежит к Ойлеру, смотрит на чемодан, чего Ойлер от него хочет с чемоданом этим...

– Ну что же?

Харрад хмурится.

Ойлер распахивает чемодан.

Харрад вздрагивает, лениво перебирает тюбики с одеждой, пластинки с кормом, долго смотрит на экран, завязанный узлом, думает развязать, наконец, нехотя закрывает чемодан.

Ойлер торжествующе проходит мимо.

Ончутка бросает палку, Герти срывается с места, несется за ней.

Герти умный. Это гость Герти принес. Гость тоже хороший, он Ончутке вкусностей дал.

А тут портал открывается.

А это значит —

– Го-о-о-о-о-сти-и-и-и-и-и!

Ончутка смотрит, трава у портала горит, значит, плохой портал, значит, подождать надо, не бежать со всех ног, но все равно —

– Го-о-о-о-ос-ти-и-и-и-и-и-и-и-и!

И гости выходят. Один гость. Ну тоже хорошо. Хороший гость, Ончутку на руки подхватывает, от малец какой, ты чей такой будешь, а Ончутка руки расставил, в самолет играет...

– А у нас вон чего есть...

Это Ончутка говорит, и на Герти показывает. Осторожно показывает, а то вдруг гость испугается. А гость хороший, гость, смотрит и радуется, ух ты, зверюга какая, и к Герти тянется – не съест? Не съест? И чешет Герти промеж ушей, ну, у Герти ушей нет, ну что у него там...

Мы его не найдем.

– Харрад смотрит на говорившего, презрительно фыркает:

Считайте, что мы уже его нашли.

Люди с презрением смотрят на Харрада, кто его вообще пустил, Харрада этого, ладно бы самого Харрада, а то ведь притащил с собой что-то, не пойми, что, говорит – Герти.

Герти, Герти, Герти...

Герти бросается на неприметного человека в углу, сбивает с ног.

Люди испуганно ахают.

Человек обнимает Герти, кидает тюбик с одеждой, Герти приносит.

Герти.

Герти, Герти, Герти.

Люди смотрят на Харрада, тактично напоминают:

– Вы сказали... что мы его нашли.

Харрад мотает головой.

– Я... ошибался.

Незнакомый человек уходит, уводит Герти.

Герти, Герти, Герти.

На мушке

В этой реальности у меня есть сын.

Вернее сказать, сын у меня есть в трех реальностях. Странно, что только в трех, обычно бывает больше, у шефа дети есть почти во всех вариантах за исключением нескольких. А чаще всего бывает пятьдесят на пятьдесят.

А у меня только в трех.

Может, я какой-то особенный, не знаю.

В одной реальности я застрелил его вчера. В другой я убью его завтра. В этой я держу его на мушке здесь и сейчас.

Ему семнадцать. Он учится. Кажется. Или уже бросил, как-то так. Да, бросил. Мы с ним сильно ругались из-за этого. Но убью я его не из-за этого. Левая бровь проколота, из-за этого мы тоже с ним сильно ругались. Но убью я его тоже не из-за этого. Год назад стекло в школе разбил, но убью я его совсем не из-за этого...

Смотрю на то, что осталось от сервера.

Проверяю улики. Я слишком хорошо знаю эти отпечатки. Слишком хорошо.

– Мы... мы найдем его?

Это начальник полиции.

Хочу ответить, как отвечал всегда —

– Маловероятно.

Вместо этого говорю:

– Да. Сегодня вечером он будет убит.

Сегодня вечером он будет убит. Я им обещал.

Держу на мушке.

Осторожно заглядываю в соседнюю реальность. У меня получается смотреть в четыре мира сразу, всего в четыре мира, по-черному завидую тем, у кого получается сразу в десять.

В этой реальности у меня сына нет. В этой реальности я держу на мушке Элери.

Элери...

Я даже не знаю, правда его зовут Элери или нет, может, он соврал мне, да не может, а точно совершенно – соврал. Было как-то на допросе, когда я ломал его сознание, взламывал самые сокровенные мысли, резко, грубо, не слушая полицейских, вы его так сожжете, вот там и прорвалось что-то в его сознании – Элери.

Элери я видел всего в трех мирах, в одном из них я убью его завтра.

А в этом мире я держу его на мушке сегодня.

– Мы найдём его?

Да... сегодня вечером он будет убит.

Элери есть еще в одном мире, это я точно знаю. В мире, где я увидел его первый раз. В мире, где был скрежет и лязг, и нестерпимая боль, и —

Большое спасибо, фирма больше не нуждается в ваших услугах.

Холод ночи.

Серый туман, первый раз вижу его не из окна.

Отсюда, с тротуаров, город кажется совсем не таким, как с высоты скоростных трасс. Здесь даже пахнет по-другому, чем-то нездешним, потусторонним.

– Первый раз на улице, да, парень?

Это Элери.

– Вот, смотри... Обновляешь экран, вот тут код появляется... сюда вводишь три звездочки...

Это тоже Элери.

Шорох отсчитываемых банкнот. С надеждой спрашиваю:

– Э-э-э... пятьдесят на пятьдесят?

– Чего ты, бери себе...

– А... вы?

– Чего я, обо мне не беспокойся...

– Сколько людей вы ограбили?

Это было уже не в этой реальности, а в другой, где я вошел в камеру, где смотрел на Элери, где спрашивал:

– Сколько людей вы ограбили?

Он смотрит на меня, холодно, насмешливо. Спрашивает:

– А скольких вы убили?

Хочу спросить, что он имеет в виду, не спрашиваю, ответ приходит сам собой.

– Большое спасибо... фирма не нуждается в ваших услугах...

Он снова смотрит на меня:

– Хотите знать, скольких я спас?

Я не хочу знать, скольких он спас, я взламываю его сознание, резко, грубо, больно, чуть погодя я знаю – его зовут Элери.

Может быть.

У него дреды.

Нет, не у Элери.

И не у моего сына.

А у него.

Я не знаю его имени, и мне кажется, никогда не узнаю.

Он смотрит на меня, безошибочно определяет:

– Три процента.

Мне кажется, я ослышался, мне кажется, это ошибка какая-то, насмешка судьбы. Осторожно переспрашиваю:

– Чего... три процента?

– Вы живете в трех процентах миров.

– Но...

– ...точно совершенно. Слушайте, прямо странно как-то, точность такая... вы правда человек?

– П-правда. А вы?

Спохватываюсь, я же пришел его арестовывать, да какое там – арестовывать, разобраться надо, почему он видит, почему, почему, почему он видит эти окаянные миры, почему никто, кроме меня – и него...

Спрашиваю. Осторожно, боюсь спугнуть:

– Как... как ты это видишь?

Он многозначительно смотрит на самострел в моей руке, кивает, всем своим видом показывает, чтобы я бросил оружие.

Бросаю.

Он исчезает в распахнутом окне, расправляет крылья.

Проклинаю себя, что не взял крылья. Проклинаю себя, что бросил оружие. Проклинаю себя...

В другой реальности у него тоже были дреды. В той, в которой я застрелил его вчера. И в третьей реальности у него были дреды – в той, где я убью его завтра. А в этой реальности я показываю ему свою карту миров, он смотрит, недовольно качает головой, нет, нет, не так, вт здесь еще две вселенных, а тут вообще никакого мира нет, где ты здесь мир увидел, да точно тебе говорю, есть мир, да нет там никакого мира, это отражение, вот, смотри, вот мир, вот отражение, а тебе уже мерещится невесть что...

Они врываются в комнату ни с того ни с сего, их четверо, узнаю своего босса, которому утром клялся и божился застрелить этого, с дредами, других в лицо не знаю, да это и не важно...

Делать нечего.

Навожу самострел на своего собеседника.

Перехожу в соседнюю реальность, чтобы передохнуть, натываюсь взглядом на Элери, если это Элери, перебрасываюсь туда, где целюсь в своего сына...

Что-то происходит. Проще сказать – я перехожу в четвертую реальность, но это будет неправдой. Что-то случается, три реальности сближаются, ближе, еще ближе...

Держу на мушке сына.

Его зовут Этери.

У него дреды.

Взвожу курок...

Пиджакман

– Следующий! – говорит Джакман.

Ничего не происходит. Никто не заходит.

– Следующий! – повторяет Джакман. Уже резче.

Заходит человек, молодой мужчина. Джакман сразу про себя отмечает – полноват.

– Ну что же, – Джакман протягивает пиджак, – надевайте.

Мужчина старательно выжимает из себя весь воздух, залезает в пиджак. Джакман видит запавшие глаза, острые скулы, похоже, голодал неделю-другую, прежде чем сюда пришел. А все равно природу не обманешь, видно, что кость широкая...

Портной оглядывает человека, переглядывается с Джакманом.

– Не пойдет.

– Ну что же... всего хорошего.

– Да вы погодите, это я располнел за зиму...

– Ага, и кости широкие стали. Всего хорошего.

– Следующий! – говорит Джакман.

Входит женщина. Джакман и портной в замешательстве.

– М-м-м... моя прекрасная леди, вы ничего не перепутали?

– А что? Три высих, одно техническое, конструктором работала...

– Да нет, я не про то. Пиджак-то мужской, у нас женских-то нету...

– А что, женщина в мужском пиджаке ходить не может?

Джакман смотрит на крохотную грудь женщины, нравятся ему такие крохотные груди, никуда не денешься – нравятся...

– Ну что же... давайте примерим.

Примеряют. Женщина прихорашивается, стряхивает с плеч соринки. И сразу видно – не её костюм. На плечах лежат остатки белой трухи, а у дамочки белой трухи на волосах как-то не примечается.

– Ну вот, посмотрите... как на меня сшито.

– Чего как на вас сшито, милая барышня, можете вы в этом костюме чего-нибудь сделать?

Ну убейте меня в нем. Убейте!

Милая барышня пытается выстрелить хотя бы в стену. Не может.

– Ну, все... всего хорошего.

– Да вы подождите-подождите, я же...

– Всего хорошего.

Джакман морщится. Только истерики еще не хватало.

Джакман хочет объявить – следующий. Не объявляет.

Устал.

– Ты им чего наобещал-то? – спрашивает Джакман.

– Да что тут обещать, – фыркает портной, – сказано же, чей костюм, кого ищут-то...

Джакман кивает. И то верно. За таким костюмом народ валом повалит, каждый задрипаный клерк будет думать, а вдруг я и есть тот самый он...

Джакман объявляет перерыв. Выходит в зал, где сидят клерки, где секретарь отпечатывает что-то на компе, а может, просто играет, они такие сейчас, секретари.

Люди умоляюще смотрят на Джакмана. А вдруг позовет туда, в комнатку, вдруг примерит пиджак... Изредка кто-нибудь растирает виски, трясет головой, будто пытается вытряхнуть что-то. А что там вытряхивать, там уже и вытряхивать нечего, память-то постирали всем.

Или нет, это бывает у человека шум в голове после того, как память стирают. А тут всем кардинально стирали после первого пришествия.

Главное, второго пришествия не допустить.

Джакман оглядывает очередь, столпившихся людей, вас тут не стояло, мужчина, я с ночи занимала, женщина, вы меня не толкайте, я вас так толкну, что не встанете потом...

Следующий! – говорит Джакман.

Входит тощий парень. Нет, людям хоть кол на голове теши, что от восемнадцати, нет, все равно молодежь прется...

– Ну-с, мой юный друг...

– ...увлекался машиностроением, потом...

– ...костюмчик примеряйте, – обрывает его Джакман.

Парень примеряет костюмчик. Висит мешком.

– Ну-ну, мил человек, вы бы хоть откормились перед тем, как сюда идти, в качалку бы походили... худоват что-то...

Парень вытягивает руку, из рукава вырывается столб пламени, бьет в стену.

– Фигасе, – вырывается у Джакмана.

– А ведь у того тоже костюм мешковато висел, – вспоминает портной, – у того...

Джакман приобнимает парня.

– Ну, молодчина вы... я уж думал, не найдем вас, спасителя человечества... слушайте, как хорошо, что вы пришли...

Прижимает кольт к голове парня.

Жмет на крючок...

...один есть.

Портной смотрит на два оставшихся костюма. Один чуть побольше, другой чуть поменьше.

– Где-то ходят еще двое.

В комнату просачивается человек, замирает на пороге, смотрит на убитого. Джакман снова спускает крючок, человек падает сверху на труп.

Свидетели не нужны.

Русским по белому же сказал, без стука не входить...

На всякий случай закрывает дверь.

– Еще чего-нибудь про них знаем? – с надеждой спрашивает Джакман, – вроде фото есть...

Портной показывает газету. Фото есть, такое фото, что лучше бы никакого не было. Попытка уничтожить Воздействие провалилась, разрушена половина Воздействующих.

И фото. Фото убегающих, три силуэта в темноте ночи. И черта с два там что-то разберешь...

Джакман перелистывает газету, читает.

Чуть позднее в тайнике была обнаружена амуниция нарушителей, пиджаки, оборудованные по последнему слову техники. К счастью, в эту же ночь произведено массовое воздействие, память граждан очищена, поэтому в ближайшее время нарушители вряд ли повторят попытки...

Вряд ли.

И все-таки нарушителей надо искать.

Сейчас.

Джакман и портной убирают тела, сами вытирают пол, уборщице такое тоже видеть не надо.

– Следующий! – кричит Джакман.

Заходит толстомясый здоровяк, улыбается.

– Друг мой, а вы ничего не напутали? Костюмчик-то маловат не будет?

– А давайте попробуем.

– Ну, давайте... хоть бы на диете месяцок посидели, прежде чем идти счастье попытать...

Мужчина как будто не видит иронии.

– Да нет, знаете... у меня чувство такое было... что это я и был там ночью.

– Ну-ну, а еще что приснилось? Ладно, залезайте уже, да пиджачок-то не растяните, мне его жалко...

Толстомясый залезает в пиджачок. Датчики на пиджаке приветливо мигают.

– М-мать моя женщина... вы и есть.

– Я там был?

– Получается, были. Во, человек храбрый...

– И чего мне теперь за спасение человечества полагается? – спрашивает толстомясый.

Джакман спускает крючок.

– Пуля тебе полагается.

Джакман и портной с трудом уволакивают огромное тело. Пиджак и правда не сходится, да и черт с ним, тут не на размер смотреть надо, а на то, признал пиджак хозяина своего или нет.

А вот признал.

– Хватит уже на сегодня, – просит портной.

Джакман смотрит на часы. И то правда, шестнадцать часов подряд сидят, проверяют...

– Счас, нашим отзвонюсь, пусть сменят... очередица-то вон какая...

Джакман звонит полковнику, не хочет Джакман звонить полковнику, а что делать, не век же здесь сидеть...

– Что, устали? – фыркает полковник в трубке.

– Есть маленько.

– Тоже верно... засиделись... Ладно, давайте домой уже...

Джакман дает домой уже. Надевает пиджак, застегивает, идет к лифту. Хочет подождать портного, не ждет, черт с ним, с портным.

Лифт ползет вниз с таким видом, будто думает, а стоит ли вообще ползти. У Джакмана побаливает голова, это всегда бывает, когда по городу массово стирают память.

А что делать.

Надо же стереть в целях безопасности.

Безопасность, она превыше всего.

– Следующий! – гаркает полковник.

Входит женщина. Да что за черт, опять женщина. Русским по белому сказано, три мужских силуэта. Нет, ходят и ходят дамы, хотя эта и правда на мальчишку похожа и стрижена по-мальчишески...

– Вечер добрый.

– Добрый, – кивает полковник, с барышнями он экивоки разводить не собирается, пусть даже не ждет, – примеряйте.

– Что примерять?

– Костюм, вы зачем пришли-то... – полковник поворачивается к вешалке, замирает. Звонит вниз, на охрану.

Индикаторы на пиджаке вспыхивают.

Джакман вспоминает.

Оказывается, вспоминать – это больно.

...звонит вниз, на охрану.

- Этот-то ушел уже?
- Какой этот?
- Как его... Джексон...
- Джексона не было никакого, Джакман был... ушел уже.
- В пиджаке?
- Ну.
- Верните его! – полковник кричит в телефон, пытается докричаться до кого-то в огромном мегаполисе, – верните...

Через толпу

1

Иду через толпу.

Кто-то толкает меня, кто-то задевает меня плечом, не оборачивается. Люди еще не замечают меня, люди еще не знают, что я им принес.

Люди всегда догадываются слишком поздно.

Иду через вечернюю толпу – кто-то наступает мне на ногу, даже не вздрагиваю. Прошло время, когда я вздрагивал, и время, когда я лез в драку, тоже прошло.

Люди шумят, где-то слышен женский смех, ненавижу женский смех, почему-то особенно женский – ненавижу. Где-то гремит музыка, какой-то праздник у них сегодня, не помню я уже, что у них за праздники...

Люди смеются, шутят, люди еще не знают, что их ждет.

Я знаю. Ощупываю пояс, где под одеждой у меня спрятана смерть. Одно нажатие кнопки – и все будет кончено. Навсегда. Я знаю, что смерть унесет меня вместе со всеми, но мне все равно.

Иду через толпу. Толпа не хочет расступаться, накатывается на меня – волнами, волнами, давит, душит, затягивает куда-то на дно. Я знаю, я привык к этой толпе... то есть, что я говорю, к толпе нельзя привыкнуть, толпу можно только уничтожить, или я её, или она меня.

Люди уже и не помнят, как причиняли мне боль. Вон смеется накрашенная девица, она уже не помнит, как я ухаживал за ней, как она кокетничала со мной, как я подарил ей айфон, который стоил две моих зарплаты – и больше я её не видел, и айфона тоже.

Иду через толпу. Толпа ничего не помнит, толпе не положено ничего помнить. Вон те парни у барной стойки, они уже не помнят, как обобрали меня дочиста в темном переулке, выворачивай карманы, и все такое. Они уже не помнят, как это было.

Я не забыл.

Я все помню. Так уж я устроен, все помню, ничего не забывается у меня. Вон тот толстый богач обнимает девчонок, он не помнит, как я построил для него костел, а он приказал ослепить меня, чтобы я никогда не сотворил ничего подобного.

А я не забыл.

Люди смеются, шутят, какой-то паренек протягивает мне листовки, приглашает на открытие чего-то там. Хорошо помню этого паренька, как он продал меня врагам за тридцать сребреников. А он забыл.

Иду через толпу, – толпа смыкается, поглощает меня, главное, не раствориться в ней без остатка. Мимо проходит почтенный человек, он однажды прогнал меня, как собаку, когда я после долгого пути просил пристанища в его доме. Ты помнишь?

Нет.

А я помню.

Мимо идет белобрысый мужчина, оживленно болтает по мобильному. И этого мужчину я помню, как он расстреливал меня за воротами Бухенвальда, и я был еще жив, когда нашу братскую могилу забрасывали землей...

Я ничего не забыл.

Где-то играет музыка, слышится детский смех, ребенок пускает мне в лицо стаю мыльных пузырей. И этого мальчишку я тоже хорошо знаю, как он поймал меня на лугу, и отрывал мне крылья, и жег меня зажигалкой.

Он уже не помнит, как это было.

Я не забыл.

Меня утешает только одно – сегодня же всего этого не будет. Орущих детей, смеющихся женщин, самодовольных богачей, праздничной толпы.

Сегодня все кончится.

Почему-то – сам не знаю, почему – мне хочется дать миру последний шанс. Иду к девушке, стоящей чуть в стороне от других, – мы любили друг друга двести лет назад, я готов был положить к её ногам весь мир, а она вышла замуж за седого банкира.

Иду к ней.

Барабанная дробь в душе.

– Не узнаешь меня?

Смотрит на меня, как на психа.

– Чего надо-то, я не поняла?

Ухожу. Последний шанс не удался. Оглядываю вечеряющий город, мерцание огней, праздничную толпу...

Протягиваю руку к кнопке под одеждой...

...не нажимаю.

Иду домой, поднимаюсь к себе. Отсюда виден весь город, маленький и тесный.

Не сегодня.

Не сейчас.

Который вечер, который год, который век говорю себе – не сейчас.

Корю себя за малодушие.

И на следующий вечер снова говорю – не сейчас.

2

Иду через толпу.

Кто-то толкает меня, кто-то задевает меня плечом, не оборачивается. Люди еще не замечают меня, люди еще не знают, что я им принес.

Люди всегда догадываются слишком поздно.

Иду через вечернюю толпу – кто-то наступает мне на ногу, даже не вздрагиваю. Прошло время, когда я вздрагивал, и время, когда я лез в драку, тоже прошло.

– Вижу объект.

– Уточни.

– Вижу землю.

– Знаешь ты, что это та земля?

– Проверил.

– В прошлый раз тоже проверил. И плохо было.

– Все точно... вот она... земля.

– Благая весть...

Люди шумят, где-то слышен женский смех, ненавижу женский смех, почему-то особенно женский – ненавижу. Где-то гремит музыка, какой-то праздник у них сегодня, не помню я уже, что у них за праздники...

Люди смеются, шутят, люди еще не знают, что их ждет.

Я знаю. Ощупываю пояс, где под одеждой у меня спрятана смерть. Одно нажатие кнопки – и все будет кончено. Навсегда. Я знаю, что смерть унесет меня вместе со всеми, но мне все равно.

– Найди мне, где больше жизней.

– Здесь.

– Недостаточно много.

– Здесь.

– Также недостаточно. Больше, больше. Ты смотри, где огней больше горит, там их много.

– Здесь огней много.

– Больше огней.

– Здесь...

– Да. Здесь.

Иду через толпу. Толпа не хочет расступаться, накатывается на меня – волнами, волнами, давит, душит, затягивает куда-то на дно. Я знаю, я привык к этой толпе... то есть, что я говорю, к толпе нельзя привыкнуть, толпу можно только уничтожить, или я её, или она меня.

Люди уже и не помнят, как причиняли мне боль. Вон смеется накрашенная девица, она уже не помнит, как я ухаживал за ней, как она кокетничала со мной, как я подарил ей айфон, который стоил две моих зарплаты – и больше я её не видел, и айфона тоже.

Иду через толпу. Толпа ничего не помнит, толпе не положено ничего помнить. Вон те парни у барной стойки, они уже не помнят, как обобрали меня дочиста в темном переулке, выворачивай карманы, и все такое. Они уже не помнят, как это было.

Я не забыл.

– Наводи смерть.

- Сейчас?
- Да. Прямо сейчас.
- Не рано ли для смерти?
- В самый раз. Смерть голодна, смерть больше не может ждать...

Они уже не помнят, как это было.

Я не забыл.

Меня утешает только одно – сегодня же всего этого не будет. Орущих детей, смеющихся женщин, самодовольных богачей, праздничной толпы.

Сегодня все кончится.

Синяя вспышка режет небо, синяя тень падает на город, толпа рассыпается, слышу женский визг, мерзкий, рвущий душу на клочки...

- Опускай вниз.
- Опускаю.

Что-то снижается на город, что-то большое, массивное, и нужно бежать, и не бежится, смотрю, замороженный...

Нечто почти касается меня. Срываю пояс, жму на кнопку, бегу – сам не знаю, куда.

Взрывная волна несется мне в спину, швыряет меня – в бесконечность...

- Минус одна жизнь.
- Минус одна.
- Одну жизнь отобрали у нас.
- Отобрали.
- Плохая весть.
- Плохая.
- Смерть голодна.
- Голодна.
- Смерть заберет нас.
- Уже забрала.

– Да мертвый он, мертвый!

– Ага, все бы такие мертвые были... чегой-то не видел я, чтобы мертвые дышали.

– Парень, ты живой вообще, нет?

– Ты смотри, помереть-то не вздумай...

– Не, видали, герой какой, не побоялся же... Я вообще чуть не помер, когда эту жуть увидел, а этот ничего.

– Блин, не перевелись еще на земле русской... Парень, ты давай, просыпайся уже, хорош умирать... Там этот, губернатор наш тебя видеть хотел, в больницу приперся... Прально, перед выборами отчего ж близость свою с народом не показать...

3

Иду через толпу.

Кто-то толкает меня, кто-то задевает меня плечом, не оборачивается. Люди еще не замечают меня, люди еще не знают, что я им принес.

Люди всегда догадываются слишком поздно.

Иду через вечернюю толпу – кто-то наступает мне на ногу, даже не вздрагиваю. Прошло время, когда я вздрагивал, и время, когда я лез в драку, тоже прошло.

Люди шумят, где-то слышен женский смех, ненавижу женский смех, почему-то особенно женский – ненавижу. Где-то гремит музыка, какой-то праздник у них сегодня, не помню я уже, что у них за праздники...

Люди смеются, шутят, люди еще не знают, что их ждет.

Я знаю. Ощупываю пояс, где под одеждой у меня спрятана смерть. Одно нажатие кнопки – и все будет кончено. Навсегда. Я знаю, что смерть унесет меня вместе со всеми, но мне все равно.

Иду через толпу. Толпа не хочет расступаться, накатывается на меня – волнами, волнами, давит, душит, затягивает куда-то на дно. Я знаю, я привык к этой толпе... то есть, что я говорю, к толпе нельзя привыкнуть, толпу можно только уничтожить, или я её, или она меня.

Люди уже и не помнят, как причиняли мне боль. Вон смеется накрашенная девица, она уже не помнит, как я ухаживал за ней, как она кокетничала со мной, как я подарил ей айфон, который стоил две моих зарплаты – и больше я её не видел, и айфона тоже.

Её звали Инга. Это я тоже помню. Такой я человек, все помню, ничего не забываю.

Инга... как дурак поверил, что она меня любит, как последний дурак, поверил,

Иду через толпу. Толпа ничего не помнит, толпе не положено ничего помнить. Вон те парни у барной стойки, они уже не помнят, как обобрали меня дочиста в темном переулке, выворачивай карманы, и все такое. Они уже не помнят, как это было.

Я не забыл.

Я все помню. Так уж я устроен, все помню, ничего не забывается у меня.

Инга.

Ты вернешься ко мне.

Я знаю.

Не может быть иначе.

Я убью тебя сегодня – и ты вернешься ко мне.

– Ну а нам теперь что тут, замерзать на хрен?

– Ничего, вроде бы этого вызвали уже...

– Какого этого?

– Ну... этого самого... которого этого...

Двое смотрят на мертвую электростанцию. Которая еще недавно была живая. Ждут чего-то, какого-то чуда, которое придет на такси.

– Тим, а ты вообще в этих... веришь?

– В кого в этих?

– Ну... которые энергию из самих себя качают?

– А как не верить... Был у нас такой в Зауральске...

– Тоже энергию пускал?

– Сначала энергию пускал... потом деваха его какая-то продинамила, бросила, он город весь взорвал на хрен. Хорошо я к вначеньке в Усть-Кут поехал, жив остался...

- Охренеть, не встать.
- Двое смотрят в заснеженную пелену.
- Околеем тут на хрен, пока приедет...
- Да вообще приедет, или нет, дороги-то вон как все замело на хрен!
- Тоже правильно...

Свет фар за пеленой снегопада.

- Едет...
- Улита едет, когда-то будет.

Из невзрачной машинешки выбирается что-то тощее, поджарое, затравленно оглядывается, смотрит на спешащих к нему людей.

- А этот где? – спрашивает Тим.
- К-какой этот?
- Этот... Который топливо...
- Это я.
- А покрупнее ничего не нашлось?

Тимоха, он те на что нужен, чтобы энергию делать, или чтобы воду на нем возить?

Тощий человек поднимается по лестнице, оглядывает умерший реактор. Что-то происходит, люди не могут понять, что: Тимоха ждет каких-то искр из кончиков пальцев пришедшего, или что-то в этом роде. Ничего подобного не случается, реактор вздрагивает всем телом, оживает...

- Во дает...
- Нехило...
- Ну, ты парень вообще молодчина, как ты там...

Это было год назад.

С тех пор никто не называл меня молодчиной.

Никто...

Иду через толпу.

Кто-то смеется в толпе, недолго им осталось смеяться...

Инга...

Она обещала перезвонить, так и бросила в трубку – да, да, я перезвоню.

Не перезвонила.

Набираю номер...

Будь я проклят, если сейчас не смогу сказать, что люблю тебя, Инга...

– Да сказала я, не звони мне больше!

Мужской голос где-то там, на заднем фоне.

Короткие гудки.

- Ну что я могу сказать... Понимаете, этот феномен до сих пор до конца не изучен.
- То есть, не известно, почему рождаются люди-энергетики?
- А почему рождаются люди с музыкальными способностями? Почему рождаются люди с талантом художников? Скульпторов?
- Сейчас все больше говорят, что это опасно. Люди-энергетики....

Мне даже не надо жать на кнопку.

Выпускаю энергию (я люблю тебя, Инга).

Секунда, растянутая в вечность (люблю).

Мир разлетается на куски, толпа падет в бездну, увлекает меня за собой...

Два человека на другой стороне планеты смотрят, как огромный город вспыхивает пламенем, разлетается в прах.

– Сработало, – говорит человек в форме.

– Сработало, – вторит ему девчонка в короткой юбке.

– А вы молодец, Инга... как у вас говорят... русска пословиц... молодец... как соленый огурец...

– Ну да.

– Ну, что, новое заданье есть... вот... Акиро Кусаяма, двадцать три года, живет затворником, атомный человек, зарабатывает энергетикой... Войдете в доверие, дальше сами знаете.

– Знаю. Да не парьтесь даже, через полгодика устроим в Токио Хиросиму...

– Вот и отлично... слишком много возомнили о себе...

Тестер

Просыпаюсь на рассвете в своей кровати. Что это моя кровать, догадываюсь по тому, что я в ней проснулся.

Выхожу в ванную, которая оказывается у меня за спиной. Иду на кухню, которая оказывается этажом ниже. Кто-то вечером оставил на столе чашку, и я точно помню – не я.

Потому что я не помню, что было вчера.

Нет, не так, как не помнят с глубокого похмелья после хорошей вечеринки – а вообще не помню. Как будто...

Как будто ничего и не было.

Завариваю себе кофе, выискиваю в холодильнике жареную курицу.

Иду дальше по своему дому, в просторный холл с винтовой лестницей, откуда открывается дверь в сад.

Что это мой дом, я догадываюсь только по тому, что я здесь живу.

Вечером приходят они.

Поздравляют с новосельем, говорят, что хорошо устроился.

Завидуют.

Мысленно отмечаю про себя, что ага, все-таки мой дом, я прав.

Они спрашивают, не нужно ли чего. может, чего-то не хватает, или что-то наоборот. Лишнее.

Я говорю, что все хорошо.

Они прямо-таки расстроены, как, неужели ничего не надо, совсем-совсем-совсем.

Спохватываюсь, говорю, что на кухне нет кофеварки. И... а да, над кроватью лампочки слишком низко, утром встал, чуть голову не расшиб.

Они пообещают перевесить.

Благодарят.

Утром просыпаюсь в своей постели.

Теперь точно знаю – моя постель.

И дом мой.

Из окна виден кусочек сада, высокий кипарис и бассейн.

Думаю, ко сколько мне идти на работу. И куда. И вообще кем я работаю. Ничего не вспоминается, вообще ни-че-го, память выдает чистый лист.

Иду в кабинет, перебираю документы на столе, вижу то же самое – чистые листы, чистые тетради, пухлый ежедневник, на котором не заполнена даже первая страница, Генри Форд хитро прищуривается с пустого списка важных дел, говорит, что люди чаще капитулируют, чем терпят крушение.

И ничего, ни-че-го, ни документов, ни денег, ни какого-нибудь крохотного обрывка, клочка, по которому можно восстановить прошлое. Включаю комп, то же самое, девственно-нетронутые диски, на голубом экране извивается заставка.

Иду на кухню, нахожу в холодильнике курицу, тем более странно, что я прикончил её вчера.

Ем.

Приходят они, спрашивают, не нужно ли чего. а вот мы лестницу прямо рядом со входом сделали, ничего, удобно? Да нет, как-то не очень, захожу, на лестницу натываюсь. А если посередине сделать, как будет? Да тоже как-то не очень, может, у стены? Спохватываюсь, что у дома нет крыши.

Они делают крышу, долго подгоняют по размерам шифер.
Благодарят.

Спрашиваю то, что хотел спросить с самого начала. Кто я. Откуда. Где я работаю, кто мои родители, где...

Ёкает сердце. Не хотел же спрашивать, не хотел, обычно таких, которые спрашивают, потом увозят в места не столь отдаленные, где добрые дяди в белых халатах...

Они говорят, что мне не нужно ходить на работу, могу не париться. Кто-то добавляет, что мои родители умерли три года назад. Разбились в самолете.

И я чувствую – врет.

Приносят блюдо с фруктами, еще какую-то хрень на кухню.

Спрашивают, не нужно ли чего еще.

Желают спокойной ночи.

Просыпаюсь в своей постели.

Думаю, что значит – не нужно идти на работу.

Ну конечно, еще бы мне нужно было идти на работу, люди с потерей памяти на работу не ходят. Людям с потерей памяти инвалидность выдают какой-то там группы.

Выхожу на кухню, достаю из холодильника все ту же курицу, которую съел вчера и позавчера. Прохожу мимо зеркала в холле...

Прохожу мимо зеркала в холле...

Мимо зеркала...

Так и есть.

Не отражаюсь.

Подхожу и так, и эдак, под разными углами, ищу себя – не нахожу.

Вечером приходят они, радостно объявляют, что я переезжаю в новый дом. Пытаюсь отказаться, пытаюсь объяснить, что мне и здесь неплохо – они разводят руками, что это невозможно. Кто-то торопливо объясняет, что работа у меня такая – ходить по домам, тестировать новые дизайнерские проекты. Спрашиваю про свой собственный дом, разводят руками, какой дом, вы контракт подписывали, вы что думаете, бросить все и сбежать?

Хочу сказать, что не отражаюсь в зеркале.

Не говорю.

Про такие вещи не говорят.

Просыпаюсь в своей постели.

Не в своей.

Кровать с балахоном мне не нравится. Или как это называется, балдахин. Не знаю. Прохожу мимо зеркала в туалете, не отражаюсь, прохожу мимо письменного стола, уже знаю, ничего не найду кроме чистых листов бумаги.

В кухне меня ждет еще один сюрприз. Пустая чашка, зависшая над столом. Провожу под чашкой ладонью, ищу какой-нибудь стеклянный кубик, на котором она стоит – не нахожу.

Добросовестно обхожу дом, записываю все, что не нравится, лестница слишком крутая, на втором этаже упирается в стену, здесь у шкафа дверца не открывается, потому что впереди стоит стол, здесь половину арки заняли диваном, не проехать, не пройти.

Вечером приходят они. Добросовестно рассказываю все, как есть.

Осторожно спрашиваю, почему я ничего не помню.

Жду, что отвезут, куда следует. Не отвозят. Продолжают объяснять, а у вас амнезия была, было дело, с парнями какой-то дряни наклюкались, потом на улице вас подобрали, на скамейке сидите, ничего не помните. Это ничего, это бывает, это пройдет, устаканится все в мозгах у вас и пройдет.

Спрашиваю то, что тоже давно хотел спросить, то, что спрашивать нельзя. Про зеркала, в которых я не отражаюсь. Жду шока, жду удивления, жду, что они кинутся от меня, как от проклятого, да я сам от себя кинусь, как от проклятого. Уже сам начинаю догадываться, похоже, не отошел я после той пьянки с пацанами, бывает так, душа вон вылетит, да так и не поймет, что она сама по себе уже, без тела...

Они отмахиваются, а-а, да-да, зеркала на рынке покупали, бракованные на хрен, оторви и брось, торгашам этим бошки поотрывать надо. Вконец осмелев, показываю чашку, зависшую над столом. Наконец-то вижу их изумленными, бывает же, ну, это гепатогенная зона какая-нибудь, я про такое по телеку смотрел. Это знаете, что нужно сделать, икону в углу повесить, или статую Будды поставить, вы какую религию исповедуете? А-а, не помните... ну, Николая Чудотворца тут поставим, хуже не будет...

Они уходят. Вечером прохожу мимо зеркала, в котором не отражаюсь. Вскользь замечаю, что в зеркале отражается торшер и краешек кровати.

А меня нет.

Просыпаюсь в своей постели.

Которая не моя.

Здесь мне не нравится, все какое-то пафосное, белое, с колоннами и лестницами, ступени которых уводят в бассейны. Мне в этом древнегреческом храме не нравится, ладно, не мне здесь жить.

От нечего делать выхожу на улицу, здесь тоже все какое-то блеклое, древнегреческое, пафосное, а вот что, зелени не хватает... И ограду не мешало бы сделать, а то что такое, заходи, кто хочет, бери, что хочет...

Ограду забыли...

Ограду.

Первый раз вижу, что забыли ограду. А значит, можно выйти на улицу.

Выхожу на пустырь, ищу другие дома, других домов нет, ну конечно, только-только застраивать начали коттеджами, только-только в больших городах повесили растяжки, Лихо-лесье – заезжай и живи.

Иду на восток, упираюсь в водную гладь, иду на север – то же самое. Хороший участок на берегу моря, чтоб я так жил. Пытаюсь вспомнить, как выглядит мой собственный дом. Не могу.

Иду на юг, пустырь расстилается в бесконечность, пытаюсь увидеть хоть что-то вдали – не могу. Совсем ничего. Какая-то неуместная мыслишка, что так не бывает, хоть камень какой-нибудь, хоть травинка, хоть пустая банка или еще чего, мимо чего пройдешь, брезгливо отвернешься...

Ничего.

Спотыкаюсь о какую-то невидимую препону, что-то не пускает дальше, какая-то преграда, стена... стеклянная... нет, не стеклянная, вообще нет никакой стены, просто не пускает дальше.

Вечером приходят они – рассказываю, что нет зелени, и вообще все какое-то чистое, белое, в таком доме месяцок поживешь, свихнуться можно. Вспоминаю, что я уже свихнулся. Но все-таки...

Они соглашаются, мы и сами так думали, ну вы тут недельку-другую поживите, мы обоим поменяем, интерьерчик отладим. Развожу руками, куда я денусь...

Спыхватываюсь.

Спрашиваю, что там, дальше, за домом.

Они настораживаются. Первый раз вижу, чтобы они насторожились, спрашивают меня – а вам зачем. Да я, собственно, до магазина хотел дойти, отвечаю, задним числом вспоминаю, что денег у меня нет. зачем вам магазин, принесем все, что надо, это в контракт входит, еда-одежда за счет фирмы. Спрашиваю, что там, дальше. ничего там нет, не застроили еще.

Чувствую, что об этом их спрашивать было нельзя.

Просыпаюсь в своей постели.

Вечером поменяли обои и линолеум, комната стала как-то поживее, поинтереснее. Встаю, еще толком не проснулся, встаю, не встается, взмываю над кроватью, парю в воздухе...

Черт...

Пытаюсь продвинуться вперед, получается как-то неправильно, прохожу сквозь стены, вылетаю со второго этажа. Жду падения, жду крови, жду смерти, ничего не происходит, парю в воздухе.

Жалею, что не взял с собой икону Николая Чудотворца.

Осторожно подбираюсь к дому, к дому не подбирается, то ли я верчусь волчком, то ли весь мир вокруг меня. Кое-как влетаю в окно кухни, едва не роняю чайник, хватаюсь за плиту, как хорошо, что холодная, кое-как поднимаюсь на ноги...

Вот черт.

Рассказать кому, не поверят. Тут же понимаю, что такие вещи никому не расскажешь, это из разряда того, что там, за домом...

За ночь поставили ограду, за ночь где-то на самом горизонте появились стены новостроек, нда-а, не знал, что у них работает Василиса Премудрая, которая махнет рукавом, – и за ночь появится на пустыре великолепный дворец...

Утром приходит он.

Один. Говорит, другие сегодня не могут, так что он один пока тут дом подправит, чтобы жить можно было. Спрашивает, а чего мне самому хочется. Думаю, что мне самому хочется домой. К себе. Не говорю.

Он меняет колонны и переносит бассейн с третьего этажа на первый, а то каы чего не вышло. Потом осторожно говорит мне, а что если пошел он на фиг, этот проект, давай чего-нибудь забабахаем такое, чего вообще никогда не было...

Это мне нравится. бормочу какой-то бред про летающие дома и гигантские цветы, видел вчера в каком-то фантастическом фильме. Да без проблем, говорит он, хватает кипарис у ворот, что-то с ним делает, что кипарис поднимается в высоту разрастается с десятиэтажный дом, не меньше.

А он уже строит что-то в вышине, летучие дома, висячие цветы, лестницы в небо, исполнинские растения. Еще хватаюсь за остатки здравого смысла, говорю, что так не может быть. Не может, соглашается он. Так не бывает, говорю я. Не бывает. А вот есть.

Фантастика кончается к вечеру, когда возвращаются все остальные. Футуристический город исчезает, я остаюсь в доме с колоннами и бассейном на первом этаже.

Они желают мне спокойной ночи.

И вам того же.

Прохожу мимо зеркала.

Не отражаюсь.

Просыпаюсь в своей постели. Которая не моя. вставать не хочется, слишком много впечатлений было вчера. Вытягиваюсь на постели, смотрю на свои руки.

Первый раз смотрю на свои руки.

Не вижу.

Их нет.

Еще пытаюсь что-то понять, оглядываю сам себя, не вижу, не чувствую...

Иду на кухню, там, на столе уже ждет меня чашка с кофе, мясной пирог, еще какая-то хрень, чувствую, что у моих работодателей рыльце в пушку...

Скоро появляются и они сами, несут пальмы в кадках, расставляют по всему дому, ну как теперь, лучше же стало, вот теперь стало на дом похоже, можно жить, ой, что бы мы без вас делали...

Ищу знакомое лицо. Не нахожу.

Осторожно спрашиваю, а где этот, который вчера закатил город будущего.

Он ушел, говорят мне.

Спрашиваю, он сам ушел, или его ушли. Они смущаются, все-таки отвечают, ну а вы как хотели, мы тут серьезной работой занимаемся, а он устроил... а позвонить ему можно, спрашиваю, они отвечают – он не оставил номера...

Хочу спросить, кто я.

Не спрашиваю.

Они пьют вино за мое здоровье, обещают, завтра мы вас в отель отправим, пять звезд, там вообще не отель, а сказка, вы от счастья умрете... Если хотите, девочку вам привести можем, а то что вы тут один как сыч...

На следующий день они не приходят.

И на следующий.

И на следующий.

Начинаю привыкать, что их нет. Делаю попытки дойти до края земли, должно же там что-то быть.

Ничего нет.

Они приходят вечером четвертого дня, как-то рассеянно приветствуют меня, как-то рассеянно смотрят мой список претензий, а когда из лифта выходишь, там прямо перед тобой пальма стоит, в неё башкой так и врежешься, а в ресторане столы на проходе, тоже неудобно, а... Они кивают, хорошо, хорошо, исправим, тихонько переговариваются между собой, а тот, новый, может сам мебель передвигать, а он еще может сам цвет обоев менять и цвет пола...

За ужином спрашиваю, куда меня отправят дальше. Они отнекиваются, бормочут что-то, что вы отлично работали, спасибо вам огромное, контракт закончился... Домой можете вернуться, там жену вашу бывшую вызвали, она вам поможет вспомнить, что к чему, вы хоть в разводе, а отношения хорошие сохранили...

Понимаю, что врут. И они понимают, что я понимаю, что они врут.

Говорю им, что не хочу. Еще не знаю толком, что не хочу. Но не хочу.

Они разводят руками, очень-очень сочувствуют, говорят, что если бы мы могли что-то изменить, то конечно, но видите же, мы люди подневольные, от нас ничего не зависит... Ой, ну ей-богу, жалко нам вас, но ничего сделать не можем...

Они уходят. Так и не успеваю их спросить, что будет со мной. Вижу их, как они сидят там, у себя, жмут на клавиши, ну все, удаляй, новую ставить надо, поверх старой тут хрен поставишь...

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ...

Они действительно хотят удалить. И мерзкое такое чувство, когда не можешь ничего сделать, они хотят тебя убить, они убьют...

ДА

Они исчезают. Стираются. Кто-то из них еще хватает ртом воздух, которого нет, кто-то еще пытается выбраться из гибнущего мира в мой мир, который не умрет – не может.

Поднимаю бокал, упокой грешные души Николай Чудотворец и Будда, больше никого из святых не знаю.

Выхожу из отеля, иду на юг, до стены, которая не пускала меня – я знаю, что её больше нет.

Открывается пустота, насколько хватает глаз. Иду вперед, быть не может, чтобы там, впереди, ничего не было.

Что-то мелькает на горизонте.

Что-то...

Пик встречи

1 История противостояния Западной и Восточной Конфедерации

Противостояние Западной и Восточной Конфедерации, несомненно, занимает самое важное место в мировой истории. Вряд ли можно найти более значимое событие в истории вселенной. Сегодня мы подробно рассмотрим противостояние двух великих держав, предпосылки противостояния, его последствия.

Итак, коротко рассмотрим события, предшествовавшие противостоянию двух великих держав.

...лет назад – Большой Взрыв. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Планковская эпоха. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Расширение вселенной, вселенная представляет собой кварко-глюонную плазму. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Снижение температуры вселенной, образование протонов и нейтронов. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Образование физических сил и элементарных частиц. Появление первых атомов. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Образование первых звезд. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Образование межзвёздного облака, давшего начало Солнечной системе

Образование Солнца. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Образование Земли. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Постепенное остывание земного шара. Появление территории, на которой будет происходить великая битва Конфедераций

Появление на земле первичной атмосферы. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Появление суперконтинента – будущей территории, на которой состоится великая битва Катархей. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Архей. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Протерозой. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Распад суперконтинента. Появление будущей Центральной Азии, территории Восточной Конфедерации

Появление первых живых организмов – предков людей, которые будут участниками битвы

Выход живых организмов на сушу жизнь осваивает будущую территорию битвы Фанерозой.

Появление позвоночных организмов – предков будущих участников битвы

Появление теплокровных животных, предков участников битвы

Появление первых пралюдей. О великом противостоянии ничего не известно.

Появление вида человек разумный – основного участника великой битвы

Возникновение первых примитивных орудий труда, в том числе и оружия

Освоение огня, необходимого в дальнейшем элементе для битвы Конфедераций

Появление первых государств. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Объединение Верхнего и Нижнего Египта. О битве Конфедераций еще ничего не известно

Падение Римской Империи

Эпоха Великих Географических открытий, открытия территорий, которые в будущем послужили основой Конфедерации

Первая мировая война

Вторая мировая война

Постепенное разделение мира на Западную и Восточную Конфедерацию

Провозглашение Западной Конфедерации

Провозглашение Восточной Конфедерации

Установление дипломатических отношений между Конфедерациями

Локальный конфликт в Секторе Газа, переросший в глобальное противостояние Конфедераций

Великий исторический день: генеральный секретарь Западной Конфедерации подписывает приказ о нападении на Восточную Конфедерацию

Применение ядерного оружия со стороны Западной Конфедерации

Великая победа Западной Конфедерации, провозглашение Единой Конфедерации

Постепенное ослабевание Конфедерации. Снижение численности населения

Распад Конфедерации на Американскую, Евроазиатскую, Тихоокеанскую и Африканскую провинции

Распад Американской провинции на Южную и Северную.

Постепенное снижение численности человечества. Распад провинций на отдельные княжества. Медленная деградация

Новый ледниковый период – на земле остается последний оплот человечества в районе Каира

Гибель последних людей от эпидемии чумы

Расширение солнца, повышение температуры Земли, уцелевшие формы жизни переселяются в океан

Вымирание жизни на земле

Гибель земли

Солнце взрывается

Постепенно гаснут звезды

Начало Большого Разрыва – распад скоплений галактик

Распад галактик

Планеты срывает с орбит

Распад материи вселенной на атомы

Распад атомов, удаление элементарных частиц за горизонт событий

Как вы видите, битва Конфедераций играет ключевую роль в истории мира. Давайте же рассмотрим, какие неизгладимые последствия оставила битва Конфедераций на вечную память о столь великом событии

Подписание договора о создании Единой Конфедерации

Введение единой валюты

Массовое заражение радиацией территории юго-восточной Азии

Ежегодные празднества в честь создания Единой Конфедерации

Снижение радиоактивного фона

Битву Конфедерации проходят в школе

Смерть последнего участника Битвы Конфедераций

Смерть последнего современника Битвы Конфедераций
Снижение радиоактивного фона
Битва Конфедераций исключена из обязательного экзамена при поступлении в академии
Битва Конфедераций живет в народных преданиях, в художественной литературе
В Южной Саксонии люди последний раз в истории человечества пересказывают друг другу битву Конфедераций, небылицы про летучие машины и огонь, летящий с неба
Распад в толще земной коры последнего оружия, примененного при битве Конфедераций
Вымирание вида гомо сапиенс – основного участника битвы Конфедераций
Гибель Земли – планеты, на которой проходила битва Конфедераций
Во вселенной никто не помнит о битве Конфедераций

Итак, мы с вами убедились, что память о великой битве Конфедераций будет жить века. Давайте же рассмотрим в деталях, о чем думали участники битвы в этот великий день

Экскьюз ми... ай дон, т спик инглиш... вот, блин, стговорились все, что ли, меня не замечать... э-эй, хелло, хелло, мистер! Бли-ин, говорили мне, английский учи, так мы же самые умные, думаем, с нашими деньгами тут все по-русски говорить должны... можно вывести девушку из деревни, но деревню из девушки – нельзя. Эй, мистер, мистер... где здесь посольство Восточной Конфедерации? Что значит, сожгли? К-как сожгли? К-какая война? Вы про что? Э-эй! Черт... еще и бомбить начали, какого черта они бомбят, не предупредили, что ли, что я приеду... выбралась, блин... по путевочке... эй, мистер, мистер, вху из э... посольство, посольство как по-ихнему... Только мне не посольство, мне уже убежище надо... бункер, бункер... подвал... ай, черт, так и бошку проломить недолго, вон как грохнуло... Э-э... хельп ми плиз... ай... ай эм тоурист... фром Ост Конфедерейшн... Ты чего, а? я тебе чего сделала, а? а-й-й, полиция! Вот черт, за что они меня... ну конечно, я же с востока... война эта чертова некстати, их чего, не предупредили, что я прие...

Черт.

Они мне не заплатят, черта с два еще полечу, так и знайте. Так и скажите им там всем, всем... наверху. Сами пусть бомбят за бесплатно. За здорово живешь... у меня жена, дети голодные, можно подумать, мне тут сильно нравится летать, гробиться... говорила мамка, не женись, повремени, ну так мы же самые умные, нам же давай все и сразу. Теперь Гульшат стыдно в глаза смотреть, наобещал ей, блин, золотые горы, реки полные вина... устроил, блин, рай в шалаше... ничего, отбомбимся, может, денгу дадут... Гульшат еще полбеда, а Амии вообще стыдно в глаза смотреть, на колени прыгнет, ручонками тебя обовьет, папуля, а дед Рождество домик принесет, да? Вот тебе и дед Рождество, хлеба бы хоть купить...

Ловко попал... библиотека или больница, что ли, была какая... ладно, сейчас не до библиотек, не до больниц уже... отбомбиться и назад, так и скажу командору, пока бабки не переведет, черта с два...

Ч-черт, подбили, я тебе подобью, с-сука, я т-те...

Ну что ты ноешь, что ты ноешь, я сказала тебе, нить будешь, вообще ничего не получишь, понял, да? Папа на работе. Сказала тебе, папа на работе. Вот будешь плохо себя вести, вообще никогда не вернется. Кончай реветь, я кому сказала? Вот и не реви. Вот будешь хорошим мальчиком, вот папа и вернется. Ага, вернется. Он тебе машинку привезет, да, как машинка делает? Ква-ква, правильно, ква-ква. Ну что, что ты скулишь? Нету хлеба, нету... вот папа придет, и хлеб принесет... надо говорить не чепенье, а печенье, ну-ка... опять чепенье, горюшко ты мое... вот черт, это по нашему, что ли, дому... Быстро собирайся... быстро, ком-му сказала, куртку он не хочет! А то папа не придет! Скажет, фу какой нехороший... черт... давай живее...

какого тебе еще там Альфамэна, быстро давай! Ладно, забирай... скорее... бежим... давай-давай, ножками... сюда... что значит, нельзя, я в этом доме живу, имею право! Вот, вот чип, считывайте... изверги... давай, давай, пошли... пригнись давай... пригнись... ну что, что интересно, горит, вот обожжет, бо-бо будет! Пригнись, ком-му сказала, приг...

Достали уже, с-суки...

Да все достало, задолбали уже с войной своей... наобещали, блин, рай небесный... это называется, рай небесный... У Сандро кожа клочьями сошла, сидел тут, кровью харкался...

Бежать.

Уже неважно, куда, бежать, бежать, говорят, там, на юге, еще мирная жизнь, вот такие вот туда убегают, которых достала война по самое не хочу...

Добраться... черт, нога вообще не идет, фельдшер, скотина, крыльями хлопал, да ничего страшного, да само пройдет... пройдет, блин... вместе с ногой.

Черт...

Хоть до воды добраться, уже ничего не надо, воды, воды, полцарства за воду, да какие полцарства, ничего своего не осталось, кроме трусов, форма и та казенная... Блин, раньше воду и не замечал, что-то такое неприметное, как воздух, а тут нате вам... весь мир вокруг глотка воды завертелся...

А мама придет? Тетя, а мама придет? А то она сказала, в восемь... Лика, Лика, не балуй, мама сейчас придет... дядя, а вы маму не видели? А? как выглядит? Ну... как мама. А? Лика, не балуй, мама придет... Лика, небо гудит, потому что самолеты летают... это так мама сказала... мама все знает... тетя, а вы мою маму не видели? Лика, не балуй, я тоже есть хочу... мама придет, накормит, мама так сказала... Мама сказала, война... мама так сказала... Лика, не балуй... Ну вот, опять у тебя голова отвалилась, говорила тебе, не балуй... дай приделаю... да не вертись, ком-му сказала, что за ребенок несносный! Дядя, а вы мою маму не видели? Лика, прячься! Мама сказала, небо гудит, надо прятаться... Лика! Лика, да что за несносный ребе...

Да буду, буду, куда я денусь, дай только из города выбраться! Вот черт, устроили бомбежку, блин, ни раньше, ни позже... да иду, иду... парни, вы чего тут? Парни, вам чего эта девка сделала, я не понял чего-то? чего-о-о? какая ост конфедерейшн, откуда они тут... А, ты еще драться? Охренел, с-сука, получай, пш-шел вон... айда, барышня, нечего вам тут... бомбят, стреляют... Вы откуда будете? Вау, м-мать моя женщина, точно Ост Конфедерейшн... вы это, помалкивайте, что оттуда, а то пришибут, видите, чего делается... можете за глухонемую сойти, если что... айда в убежище... чего такое? Да здесь я живу, здесь, вон, вишь, чип на руке... читай, читай... считывай... читатель... Сестра моя, что непонятно-то? из Глазго. И чего ей теперь, на улице подыхать, что ли? Ну на, на, подавись... да можешь не считать, двадцать штук... все, пошли, пошли, вот тут местечко есть... тебя как звать-то?

Как мы видим, все мысли населения земли были заняты осознанием величия происходящего и исторической значимостью великой битвы. Для полноты картины рассмотрим великую битву не только на территории земли, но и в масштабах вселенной.

Район Альфара – жизнь отсутствует, в битве участвовать некому

Район Альцефара – жизнь отсутствует, в битве участвовать некому

Район Антареса – жизнь отсутствует, в битве участвовать некому

Район Альтаира – жизнь отсутствует, в битве участвовать некому

Район гаммы Райской Птицы – разумная жизнь отсутствует, о битве никто не знает
Район гаммы Рака – жизнь отсутствует...

Планетарная система Тау Журавля – разумная жизнь на уровне палеолита, о битве никому не известно

Район ипсилона Тукана – разумная жизнь на уровне технической революции, астрономами зафиксирован взрыв во время атомных бомбардировок на Земле

За пределами вселенной – материя отсутствует, по причине чего битва невозможна

В параллельных мирах – нет данных

Как мы видим, в те великие и эпохальные времена вся вселенная была охвачена битвой. Перейдем к следующему разделу, а именно рассмотрим...

2 Встреча

- Броуди... май нейм из Броуди...
- Велл?
- Ме-нья зьо-вуть... Броуди... кьак... тье-бя... зьо-вуть?
- А-а... Лина. Лина.
- А-льи-на?
- Ли-на. Ли-на...
- О-о... ошшнь... ош-шнь... ра-дый...
- Вери... гуд.
- О, йес, йес, вери гуд... Ти... из... из... чье-го?
- Велл?
- Э-э... вер ар ю фром?
- Фром, фром... вроде металл какой-то...
- Да он тебя спрашивает, ты родом откуда.
- А-а... Из Санкт-Москова... Сити Сэнт-Москов из конгломерейшен оф ту ситиес, Москов энд Сент-Питерсберг... Вот это со школы помню... а ты откуда... фром?
- Глазго, Глазго...
- Ка-кие глазки?
- Да город такой, Глазго.
- А-а... бли-ин, сколько ньюинглиш учила, ничего в голову не приходит... мистер, а может, вы нашим переводчиком будете?
- Да вы уж сами как-нибудь...
- Вер из ю сабджект?
- Велл?
- Сабджект?
- Но андестанд...
- Сори, ай донт спик инглиш...
- Ай сии... йа... йа... нье... го-во-рить... ос-тош-ный...
- Сент-Москов... из э кэпитэл... оф Ост Конфедерейшн... Пекин... из э дабл Кэпител оф Ост Конфедерейшн...
- Йес, ит из... Лэн-дон... этьо... стьо... лы... ца... оф... оф... Запад... Конфедерации...
- Ишь, рвануло как...
- Стены ходуном ходят...
- Гос-ди, что я еще знаю... Да ничего вроде... Не-е, вот это знаю...
- Ай... ай лав... ю...
- Йа... тье-бья... лью-бов...
- Люблю.
- А-а... йа... тье-бья... лью-блу...
- Кисс ми.
- Велл?
- Кисс ми... скорее же... пока тут не разнесло все к чертовой ма...

3 История Встречи

Большой Взрыв – после семи неудачных попыток наконец-то создана основа вселенной, в которой может произойти Встреча

Образование Солнца – звезды, возле которой возможны условия, оптимальные для встречи.

Формирование планет. Для перестраховки было создано девять планет с разными условиями.

Выбор остановлен на третьей планете. Кандидатуры других планет, в том числе и Гебы – отклонены.

Первая попытка формирования живых систем, способных встретиться.

Неудача первой попытки. Системы сгорели в кислороде, который сами же и выделяли

Вторая попытка. Для перестраховки было создано множество видов.

Выбор остановлен на крупных ящерах

Неудача с крупными ящерами (недостаточно развитые эмоции).

Массовое уничтожение ящеров, очищение территории. Выбор остановлен на теплокровных

Выбор вида. Передача Искры выбранному виду

Формирование исторических предпосылок для Встречи

Первая попытка Встречи (Тристан и Изольда) Неудача

Вторая попытка Встречи (Ромео и Джульетта) Неудача

Семнадцатая попытка. Встреча удалась.

Встреча

(дата) – пик Встречи

Уничтожение участников Встречи завистниками в Гебы

Мысли

Ну чего, солдатухи, бравы ребяташки? Сдюжим, отстоим форт? Чего счастливый такой? Да сам толком не знаю, чего... точно, война, а я веселый... да сон сегодня был... не сон даже, пригрезилось, прибредилось... Бункер, ну как обычно бункеры, люди там, дети плачут... и парень с девушкой в уголке сидят, он ей чего-то на ньюинглише, она ему на остише, друг друга не понимают, хохочут... вот так, война, город рушится, а они хохочут... а потом обнимаются, губами впились, жадно так, я прямо чувствовал, как меня самого кто-то в губы целует... тут-то потолок и рухнул в бункере, уж не знаю, чем там вдарили... и все... Но видение такое хорошее было, светлое...

Ой, Люсечка, да как я, да ничего я... Ну тяжело, ясное дело, ну ничего, держимся... Слушай, до сих пор поверить не могу, что дом наш ёк... Бли-ин, еще в новый год загадала из халупы этой переехать, да кто ж знал, что так сбудется? А? голос-то чего веселый? Да... сон такой был... да даже не сон, не знаю, что, видение какое-то... Парень с девушкой... ну какие, обыкновенные... сидят, смеются... в бункере в каком-то, вокруг война грохочет, а они друг другу картинки какие-то рисуют. А потом поцеловались, я прямо почувствовала, будто парень не её, а меня целует... А, да это я так... Наши-то как? Димка цел, у него на заводе десятерых убило, потом...

Да, Майк, я подал в отставку. Как. Молча. Класть я хотел на карьеру. И на все хотел класть. Сами пусть воюют, я так и сказал генералу... да даже не так, я послал его к такой-то матери, видел бы ты его рожу, Майк, видел бы ты его рожу... Из этой войны все равно ничего не выйдет, мир полетит ко всем чертям... А? да сам не знаю, что на меня нашло. Нашло... сон какой-то... Ты веришь в вещие сны, Майк? Я нет... Это даже не сон, видение какое-то... Мужчина и женщина... молодые... в бункере, мне так показалось... смеются, пытаются что-то друг другу объяснить... не могут... снова смеются, рисуют что-то в блокноте... потом целуются. Мне показалось, что она меня поцеловала, я даже провел по губам, вот так – ничего нет... Вот тогда я и понял, вот тогда я и сказал себе, катись оно все к ядреной фене, воюйте сами...

В других местах

Район Альфара – отклик на Встречу
Район Альцефара – отклик на Встречу
Район Антареса – отклик на Встречу
Район Альтаира – отклик на Встречу

Район гаммы Райской Птицы – жизнь трепещет, чувствуя пик Встречи
Район гаммы Рака – отклик на Встречу...

Планетарная система Тау Журавля – разумная жизнь на уровне палеолита, величайшее празднество в честь Встречи

Район ипсилона Тукана – разумная жизнь на уровне технической революции, астрономы следят за Встречей, всенародное празднование

За пределами вселенной – данных мало. То, что живет за пределами вселенной, чувствует отклик Встречи

В параллельных мирах – через порталы следят за Встречей

Последствия Встречи

Память о Встрече в преданиях, фильмах, легендах
Гибель вида гомо сапиенс. Память о встрече ложится на другие виды животных
Земля умирает в пламени солнца, в последние свои секунды думает о Встрече, ради которой была создана
Вселенная гибнет, как отработавшая свою функцию.
После конца света в пустоте остается Пик Встречи
(будущее, еще не наступившее) – Пик Встречи перерождается во что-то качественно новое...

Написано после конца света

Придаток для дьявола

Сегодня он был в духе.

Сегодня он даже позволил мне встать не тогда, когда ему нужно, а когда мне хотелось. Он молча смотрел, как я одеваюсь, как я пью кофе. Он позволил мне выдернуть шнур из розетки. Он разрешил мне выйти на улицу – вернее, ничего не возразил, когда я вышел на улицу. Мне даже казалось – его нет, он ушел, покинул меня.

Но я знал – он никогда не уйдет.

Он смотрел, как я еду на работу, затаился, подглядывал. Я давно заметил, что шумный город привлекает его, – он сразу затихает, начинает разглядывать улицы, заставляет меня вертеть головой.

Так было и в этот раз. Он тихонько поворачивал мою голову. Заставлял делать снимки. Терпеливо подождал, когда я остановился поговорить в Электрой.

Мне даже казалось – с ним можно ужиться.

Но я знал – мне это только кажется...

Он показал себя – когда я уже подходил к офису, он показал себя – когда я поравнялся с дверью, ведущей в никуда. Так же тихо, ненавязчиво, он подтолкнул меня к двери.

Я знал, что он проявит себя. Знал – и все-таки на что-то надеялся, когда сделал вид, что его не слышу, пошел дальше, к ступенькам, ведущим в контору. Он мягко попросил меня пойти к двери. Мне стало страшно, я хорошо знал, что следует за его просьбами, если их не выполнить.

Я снова сделал вид, что не слышу.

Не слышу, не понимаю, не хочу.

Здесь-то и началось самое страшное.

Нет, когда он больно жжет мое сознание изнутри – это еще не самое страшное, это еще можно пережить. Страшно другое, когда не жжет, не наказывает, не требует, когда...

Вот это и случилось – когда он погнал меня на дверь, ведущую в никуда, когда я вырвал сознание из его цепких лап, а он тянул, рвал, жалил – туда, туда, к двери. Когда мои коллеги – и шеф с ними – смотрел, как я пытаюсь открыть дверь, которую нельзя открывать, рву, тяну, дергаю, терзаю давно проржавленный замок. Когда полицейские – здесь были и они – смотрели, как я ломаю дверь, сначала кулаками, потом бензопилой, видели бы вы, что с ней стало, потом...

Как меня оттаскивали – не помню, как я сопротивлялся – тоже не помню, кажется, он окончательно отключил мое сознание. Очнулся я уже в камере, мне сказали, я убил полицейского, правда, его удалось воскресить.

Он притих – как будто сам испугался того, что натворил. Он затаился, он молчал – когда меня допрашивали, когда интересовались моими политическими убеждениями, за левых я или за правых, за нижних или за верхних. Он молчал, когда пришел психиатр, не болели, голоса в голове не слышали, среди родственников... не болел, не слышал, не наблюдался.

Он молчал – когда я вернулся в офис, когда проходил мимо двери, она даже чуть-чуть погнулась там, где я ее ломал. Он молчал – когда я придумывал новую рекламу, создан быть первым, нет, не то, создан быть лучшим, нет, не то... создан быть победителем... Он молчал – когда шеф вызвал меня к себе, вы наш лучший работник, мы вами очень гордимся, но вы поймите, сокращение штатов, никак не можем, больше не нуждаемся в ваших услугах... думаю, с вашими блестящими способностями...

Он молчал. И когда я ехал домой – он молчал, и когда мне названивали какие-то знакомые и незнакомые – он молчал. Да брось, да пошли ты этого шефа далеко и надолго, контора уже на ладан дышит... А-а, с работой помочь не могу, извини, вакансий нет...

Он молчал. Он заявил о себе лишь один раз, намекнул, что у меня оторвана рука. Я и не заметил впопыхах, что оторвал себе руку, хорошо хоть не потерял, кто-то заботливо сунул ее в мой заплечный мешок.

Он молчал – когда я приделывал руку, и когда я уже сунул вилку в розетку, когда я уже лег в постель, когда я проклинал его, когда я звал его – на честный бой, ну давай, выходи, дай мне изгнать тебя...

И он молчал.

Он...

Я не знал – кто он.

Более того – до поры до времени я даже не задавал себе такого вопроса – кто он.

Я даже не помню, когда он появился – потому что появлялся потихоньку. Просто в какую-то минуту мне стало казаться, что кто-то смотрит на мир – моими глазами. Вот так, среди бела дня, презентуешь очередной рекламный проект, и вдруг кто-то выглядывает из тебя, из твоей души, смотрит – и тут же прячется.

Я не обращал внимания. И когда ловил себя на том, что ищу в Инете совсем не то, что хотел найти, – я не обращал внимания. Или когда под конец рабочего дня не мог вспомнить – где был, что делал, память рассыпалась на осколки, на крупички – я тоже не обращал внимания.

Он появился потихоньку. Он как будто бережно нащупывал путь ко мне, ключики к моему сознанию, пути к моей душе. И когда я делал совсем не то, что хотел, когда он тащил меня в выходные куда-то, куда я не собирался идти, – я тоже не чувствовал беды... мало ли что взбредет в голову в выходные...

Он не мешал мне – до поры, до времени.

Он даже не говорил со мной – до поры, до времени.

Он просто... был.

Думаете, сошел с ума? Нет, это не то, это другое что-то... Он не чудится мне, не мерещится, не грезится, он просто – есть. Хотя, быть может, сумасшедшие говорят точно так же...

Ловлю себя на том, что заглядываю в лица прохожих, в глаза, стараюсь понять, чувствует хоть кто-нибудь то же, что и я. Не понимаю. Хочется подойти к кому-нибудь, спросить, скажите, а у вас в голове живет он?

Вчера проводил опрос, чуть не спросил...

Я не обращал внимания.

До поры, до времени.

Пока не очнулся вечером в субботу, не поймал себя на странном занятии, которое не входило в мои планы.

Я оторвал себе голову, положил на стол, самозабвенно рылся в собственных мозгах.

Сегодня понял, что такое страшно.

По-настоящему страшно.

Никогда не думал, что дойдет до этого, кажется, процесс зашел слишком далеко. Накануне закупил в аптеке каких-то премудростей, выпил – сверх меры, отключил свое сознание...

Проснулся среди ночи. Лучше бы не просыпался. Лучше бы не видел всего этого. Не знал. Теперь уже не сомневаюсь – все зашло далеко, слишком далеко, чтобы не обращать внимания, чтобы читать мантры, как учат на тренингах, я спокоен, я спокоен, мое тело расслаблено, мой мозг работает ясно и четко, мои мысли...

Я бежал отсюда – где проснулся, бежал в страхе, толком не успел понять, как туда попал – да он бы и не объяснил мне. Может, кто-то видел, как я мчался по ночному городу, сломя голову, я ее потерял-таки, голову, еще вернулся, еще подобрал...

До сих пор не понимаю, было это со мной или нет, до сих пор стоит перед глазами... Но это слишком невероятно, чтобы быть правдой, неужели уходил куда-то в темноту ночи из уютной комнаты, неужели бежал по холодным улицам, прочь из теплой постели...

Но было же...

Помню же...

Как стоял перед дверью, ведущей в никуда, как держал ломик, которым только что вскрыл замок, как...

Как очнулся, как бежал в страхе – за секунду до того, как чуть не открыл дверь в никуда...

Бережно спускаюсь по осклизлым ступеням – нет, я ошибся, ничего здесь нет. Еще раз проверяю адрес – до знака, до символа, все верно, три-даблю, аш-ти-ти-пи, город Стройсталь, улица четырнадцать, дом восемь, третий подъезд, цокольный этаж, точка, ру.

И все же...

Стучусь в запыленную дверь. Все внутри так и кричит, что занимаюсь ерундой. Одно радует, он притих. Правда, оно еще хуже, когда он притихает, значит, слушает, значит, смотрит, следит...

Он...

Кто он...

Сейчас узнаю...

– Войдите.

Вхожу. Оглядываюсь, тут же понимаю, что входить было незачем, какого я вообще пришел сюда. Еще раз смотрю на манускрипты, обереги, кресты, в голове проносится одно-единственное – шарлатан.

– Слушаю вас, – спрашивает шарлатан, теперь вижу, что это шарлатан, из тех, что выколотят все деньги, и еще попросят, и начнут что-нибудь про астрал, про карму, про...

– Меня беспокоит...

Пытаюсь сформулировать вопрос – не могу.

– Так что же? – смотрит на меня, требовательно, испытующе, – энергетика у вас плохая... вижу, вижу...

– Нет.

– Что нет, мне виднее...

– Да... – не нахожу слов, наконец, говорю первое попавшееся, – он...

– А-а, он... – шарлатан кивает, будто услышал про своего старого знакомого, – он... да... что же, это мне тебе в мозги залезть придется...

Холодею. Еще куда тебе залезть придется... а, знаю, мне в кошелек.

– Есть там такая штучка... которая слушает космос... Вот если ее убрать, он тебя донимать перестанет. Только тогда космос слышать не будешь...

– И не надо.

Шарлатан кивает, он тоже согласен – не надо. Вытаскивает из сундучков хитромудрые приспособления, чем-то напоминают приборы в мастерской у хирурга. Холодеет душа.

– А-а... сколько? – спохватываюсь я.

Шарлатан называет цену. Как пелена падает с глаз. Боже мой... хорошо он умеет уламывать, хорошо, и музыка, и полумрак, и маски на стенах, и обереги... и отдаешь ты все-все, и кошелек свой, и душу свою, и самого себя. Вон, рабы стоят навтыжку в дверях, тоже когда-то были свободными, тоже когда-то вот так пришли к нему, помоги, друг сердечный, он им в голову залез, так помог, что они все забыли, кто они, что они, откуда...

– Ну что ты... снимай... голову. Я же не знаю, как она у тебя отрывается...

– Нет, – не выхожу, выбегаю, хлопаю дверью, пропади ты пропадом... Мне в спину доносится холодное, насмешливое – всего хорошего.

Сегодня я...

Нет, сегодня не я... сегодня не было никакого меня, сегодня был он, только он. Я появился только ближе к вечеру, появился случайно, видимо, он зазевался, задумался, приотпустил меня, вот и вырвалось мое сознание...

Увидел себя перед книгой...

Да, вы не ослышались – перед книгой.

Вот уже одно это было страшно. В жизни не представлял себя перед книгой, вообще не представлял себе, как выглядит книга, оказалось – совсем не так, как я думал, страницы, страницы, страницы, хрупкие, тонкие, как у меня вообще получилось их листать...

Самое главное, я не помнил – откуда я взял книгу, где вообще у нас в городе можно достать книгу, кто-то говорил, даже в архивах не осталось...

От нечего делать начал листать книгу в поисках картинок, надеялся хоть по картинкам понять, про что говорит книга, если все равно не понимаю все эти каракули... Не помню, когда поймал себя на том, что читаю, понимаю каждую букву, каждое слово, более того – я понимал все, о чем говорила книга... О племени – таком древнем, что даже века не помнят, когда появилось оно, о племени, повелевавшем звездами и галактиками, о племени, которое загубило собственную землю в какой-то безумной войне, о племени, остатки которого разлетались, разбрелись по галактике так далеко, что один осколок великого племени уже не помнит о других осколках.

Дальше было совсем непонятно – но я понимал, кто-то во мне заставил меня понимать, как великое племя породило новые расы, новые племена, и наш народ в том числе, расселило – по планетам, по звездам, чтобы править нами...

...я очнулся глубоко за полночь – очнулся по-настоящему, буквально вырвал у кого-то свое сознание. Понимал, конечно, не я, понимал он, читавший книгу моими глазами...

Потом я долго глотал таблетки, сам не знаю, зачем, долго подключал к голове какие-то датчики, сам не знаю, зачем, проклятый врач, ну попейте таблеточки, еще ионизаторы хорошо помогают... Я смотрел на него, я видел, он знает, что ничего мне тут не поможет, так утешают безнадежно больных, когда ничего уже сделать нельзя, перед тем, как отправить их на эвтаназию...

Он позволил мне подключить провода и лечь спать. Я догадывался, что нужен ему живым – одно это меня радовало...

Я уже ничего не мог поделать...

Я вырывал у него свое сознание – что было сил, говорил себе – как заклинание, я есть, я есть, аз есмь, ничего не помогало. Он был во мне, он был мной, да что во мне, что мной, не было уже никакого меня, просто – он был.

Все-таки я победил его – чуть-чуть, самую малость, когда очнулся, заставил себя проснуться – когда он уже открывал дверь в никуда.

Странное чувство.

Страшное чувство.

Когда видишь, что происходит, смотришь на себя – как со стороны, видишь, что ты делаешь, что кто-то делает с тобой – и ничего, ничего не изменишь...

Я ничего не мог поделать.

Когда он открыл дверь, когда он вошел – в никуда, подсвечивая моими фонариками, когда он шел моими ногами по запыленным залам, огромным, гулким, когда остановился перед чем-то непонятным, в чем узнал – узнал не я, узнал он – чьи-то останки... Чьи-то... в жизни не видел такого существа, в жизни не думал, что такое бывает... Вспомнил – вспомнил не я,

а он – о расе, населявшей нашу землю века и века назад. И, черт возьми, я видел, видел в своей памяти, как выглядело это – когда-то давно, когда еще не истлело, не рассыпалось в прах...

И опять же не я – он – рыл землю в гулких залах, и не я – он складывал истлевший остов в яму, украшал какими-то блестками, лентами, под конец забросал землей, поставил что-то вроде антенны из проволоки, зачем антенна, думал я, если нет приемника. Я никак не понимал, почему он не воскресит это существо, которому воздаст такие почести, может, не было нужных материалов...

Странное чувство.

Страшное чувство.

Когда кто-то идет твоими ногами по пыльным залам, останавливается перед бесчисленными останками, чертит в воздухе какие-то руны, знаки. Страшное чувство – когда к моему собственному страху перед неведомым примешивается его собственный страх – перед нами, перед нашей землей, перед тем, что случилось здесь, на закрытой территории, спрятанной ото всех века и века. Стыдно сказать, я даже начал припоминать какие-то молитвы, обереги – ничего не помогало, его молитвы и обереги были сильнее...

Странное чувство.

Страшное чувство.

Когда я остановился...

...когда он остановился перед чем-то – непонятным, пугающим, невыносимым, я не знал, что это, знал он, он-то понимал все эти рычаги, шестеренки, тумблеры, платы, это он, не я, протирал ленту конвейера, перебирал провода, сцепления, менял истлевшие шкивы, моим паяльником паял разбитые цепи...

Не помню...

Не хочу вспоминать эту ночь...

Страх был настолько сильный – что моя память отказывается выдавать что-то, я смотрю на себя той ночью как будто со стороны, это было не со мной, и вообще этого не было...

Когда ближе к рассвету я (он) проверил последний шкив, захлопнул крышку пульта, повернул тумблер.

Когда взревела стальная машина, спавшая сотни лет.

Когда...

Мой ужас сыграл мне на руку, подбросил меня на месте, вырвал-таки от него мою душу, погнал – по темным улицам, в никуда, в никуда, я уже не помнил, кто я, что я, откуда, уже не было ни меня, ни его, ничего, предрассветная тьма, грохот неведомой силы – там, позади...

Он спрятался.

На этот раз он спрятался особенно глубоко – как всегда бывало после того, как он натворит что-нибудь... Я знал, что он не покажется – день, два, три, выждет – пока я забуду про него, чтобы объявиться снова, когда я меньше всего буду готов...

Оглядываюсь. Осторожно подключаю зарядники, розетки всего две, на три зарядника не хватает. Выжидаю.

Чувствую голод. Нет, не такой, а информационный, не думал, что он может быть таким сильным. Даже не могу войти в Сеть, даже не могу узнать – что делается в мире, последний раз я заходил в Сеть, чтобы увидеть на стартовой странице свою фотографию, свой код, и надпись – разыскивается.

Разыскивается...

Сам виноват... Не думал, что все так серьезно, а может, он заставил меня – не думать. Сам виноват – с самого начала нужно было идти в полицию, не таскаться по врачам, по шарлатанам, не думать – пройдет, пройдет... В полиции тоже не вчера родились, готов спорить, это у них не первый случай... и не второй...

Разыскивается... особо опасный сумасшедший... Активировал древнюю машину на закрытой территории...

Сумасшедший... что-то подсказывает мне, (а может, он подсказывает), что никаким сумасшедшим они меня не считают. Что это они для обывателей, для толпы, объявляют во всяких передачах, по всяким каналам, в настоящее время во вселенной разумной жизни не обнаружено, это они для обывателей ходят патрулями, зарывают останки невесть кого, а между собой, там, в каких-нибудь спецслужбах понимающе кивают, а-а, опять что-то эти расшались, из космоса... Еще в одного демон вселился, надо бы стрельнуть его...

Демон...

Теперь вспомнил, как это называется... демон...

Капает вода – кажется, отовсюду, уже и не знаю, как в этом подвале устроиться, похоже, что никак. Интересно, что будет, если кто-нибудь зайдет, и увидит меня, смогу я в него выстрелить, или нет, и как я буду жить после того как смогу в него выстрелить...

Демон...

Демон молчит, демон спрятался, демон отнял у меня все – работу, дом, знакомых, имя, статус в обществе, банковский счет, еще немного – отнимет саму жизнь. Это все ничего, только сейчас понимаю, это все ничего, только сейчас понимаю, как все это мелко, ничтожно, перед тем, что он пытался отнять у меня – меня самого.

Затаился.

Зову его.

Первый раз – зову его.

Первый раз – мне его не хватает...

Перелистываю книги – старые, как мир, теперь знаю, где нужно искать книги, вот по таким подвалам, где все пропитано водой, кажется, дышишь этой проклятой влагой, листаешь размякшие страницы, с которых смотрит на тебя чужой мир, чужой народ, чужие века...

Смотрю.

Не понимаю.

Снова и снова зову его – покинувшего меня, ну где ты там, без тебя не могу прочитать ни строчки, не помню, как оно вообще читается... смотрю на пожелтевшие рисунки, вспоминаю, да, так выглядели они...

...сотворившие нас...

Снова тихонько зову его.

Вздрагиваю – когда он откликается...

Теперь я знаю, где искать книги.

Не я знаю... он знает...

Мы с ним знаем. Где искать книги. В подвалах, на чердаках, в хранилищах, за закрытыми дверями, которых как будто никто не замечает, которые видят только маленькие дети, спрашивают взрослых – что там – получают привычные ответы – там ничего нет... Так проще, когда не знаешь, что там, пожать плечами и сказать – там ничего нет.

Вот там-то и есть все... чужой мир, огромный мир, сложный мир, от которого мы видим только крохотный кусочек...

Я знаю, где меня никто не будет искать.

Он знает...

Мы знаем, где меня никто не будет искать. Там, за закрытыми дверями, за которыми ничего нет. За которые никто не зайдет – просто потому, что не понимает, что туда можно зайти, за которые никто не заглянет, потому что никто их не видит...

Я знаю, что было до нас...

Он знает...

Мы с ним знаем...

Отсюда, с высоты черт знает какого этажа смотрю на толпы внизу, вот они, мурашами ползают по проспекту (что такое мураши? Он знает), вешают какие-то очередные рекламы каких-то очередных реклам, возят какие-то рекламные щиты – в тачечках, в тележечках, проходят мимо великих машин древности, не замечают их. Обживают древние храмы, арендуют – под склады, под офисы, под... Принимают звонки, ведут переговоры – там, где решались судьбы планет, раскрашивают рекламами плато, с которых когда-то поднимались к звездам...

Я спрашиваю его – буду ли я летать к звездам.

Он говорит – да. Он обещает.

Смотрю на свой дом – отсюда он кажется совсем крохотным, не верю себе, что десять лет жизни провел там, в тесной клетушке, и каждый день с понедельника по пятницу ходил в другую клетушку, вот по этой улочке, вот этим маршрутом, туда-сюда, как челнок... Думал, что кроме этих улочек ничего нет...

Я спрашиваю его, как велика вселенная. Он называет мне какие-то огромные числа, которые не укладываются в памяти.

Я спрашиваю его, как давно появились они, сотворившие нас, и этот мир. Снова в голову лезут какие-то числа, которые мой разум не удерживает.

Он показывает мне, как войти в Сеть – тихонько, чтобы меня не засекали навигаторы. Я (он) – мы смотрим на стартовую страницу, на мой номер, на мой код, на мою фотографию, на – разыскивается... за мою голову назначено... Посмеиваемся между собой, он в шутку предлагает мне свинтить мою голову, переложить мозги куда-нибудь, ну, он не знает куда, а голову сдать, денег дадут, богатый будешь...

Я задаю вопросы – он отвечает, так много, так быстро, что моя память еле-еле удерживает его ответы. Смотрю на древние машины – раньше я и не знал, что это древние машины, и чешутся руки пойти, положить пальцы на рычаги, пробудить древние силы, древнее нашего мира, подняться к звездам...

Память перегружена.

Память уже который раз говорит мне, что она перегружена. Память не выдерживает всего того, чем я нагрузил ее – последние дни, моя память все еще помнит меня того, прежнего, который ходил из одной клетушки в другую клетушку.

Он одергивает меня – надо спешить. Я и сам знаю – надо, пробираюсь – по этажам, по лестницам, по коридорам, о которых никто не знает, пробираюсь за дверями – за которыми ничего нет.

Знали бы они все там... как это... ничего...

Пробираюсь по запыленным залам, уже сам останавливаюсь – перед ними, истлевшими, почти рассыпавшимися в прах, кланяюсь им, нашим создателям, мудрым, всезнающим, рисую в воздухе руны – как он меня учил. Он даже не торопит меня, когда я делаю еще одно, как он меня учил, прижимаюсь губами к истлевшему остову...

Замираю перед громадиной машины. Все-таки боязно, все-таки трепетно остаться один на один с древней силой, может быть – древнее тебя самого.

Жму на тумблер – как учил он, да почему учил, вложил свои познания мне в голову, сделал меня – частью себя самого, или себя – моей частью... е знаю... уже нет его, нет меня... с первой женой и то не был ближе, чем с ним...

Жму на тумблер – поддается медленно, нехотя, просыпается от многовекового сна, вздрагивает стальная машина, будто отряхивается, потягивается, слышу первый удар стального сердца... еще... еще...

Я не знаю, что будет делать эта древняя мощь – он говорил мне, но мой разум слишком слаб, чтобы понять такое. Я не знаю, зачем она это будет делать – для каких-то космических целей, перед которыми вся наша земля – пылинка, и вся наша эпоха – ничтожный миг...

Но это и не важно...

Теперь уже не он говорит во мне – а собственная моя память, просыпается, шепчет мне, не шепчет – кричит, подсовывает нужные образы. Был я здесь, стоял перед этой громадиной, щелкал тумблером, выстраивал клавиши, огоньки, чтобы... не знаю, что – чтобы, важное что-то, глобальное что-то, ради чего стоит жить... Или не я это был здесь, мой отец, мой дед, мой прадед, мой пращур – неважно, все мы умрем, а память наша останется, проснется, потревоженная чьим-то голосом из космо...

– Стой!

Это что... Не понимаю, откуда он взялся здесь, кто – он, неважно, кто, наши сюда не ходят, эти, которые берут квартиры в кредит, сидят в офисах и говорят, что за закрытыми дверями ничего нет. А ведь стоит, смотрит на меня, тянет ко мне руки...

– Стой!

Полиция... отсюда в полумраке не вижу, но что-то не похоже, по крайней мере – погоня не блестят... Где я его видел, мать его... что такое мать... материнская плата, что ли...

Он посмеивается надо мной...

– Да стой же!

Ах да... Это шарлатан долбаный, черт бы его драл, откуда его нелегкая принесла, как чует, что тут творится... Ну какого черта ты приперся, в голову мне залезть хочешь... или еще куда...

Бормочет что-то, отсюда слышу – заклинания, откуда только узнал пароли, коды к моему разуму... А ведь узнал, крикнул, и добавляет:

– Ко мне!

И ничего не могу поделать, иду к нему, как замороженный, вот сволота, полиции на него нет...

Стой!

Он не отпускает меня, он держит меня. Держи, держи... мысленно хватаюсь за невидимую нить, которая тянется от меня к нему – через вселенную...

– Ко мне!

Ноги не слушаются меня, стойте, стойте, проклятые, черт бы вас драл... кто такой черт, почему он должен кого-то драть... он знает... он дает мне сигнал – он знает...

Стой!

Замираю – на какие-то доли секунды, прежде чем проклятый мракобес прокричит свою мантру, добавит:

– Ко мне!

Рокошет древняя машина, ждет меня, жреца, пришедшего в ее храм...

Стой!

Невидимая нить тянется через вселенную в сердце мое...

– Ко мне!

Сознание разрывает на части, пол под ногами летит кувырком...

Стой!

...древние силы...

– Ко мне!

...двери, за которыми ничего нет...

Стой-стой-стой!

...он...

Я очнулся в семь тридцать по местному времени. Он сидел подле меня, видимо, только что вложил мой мозг мне в голову, еще закрывал окошечки в черепе. Я не сразу понял, где мы находимся, понял одно – нам здесь не место.

– Где мы? – спросил я.

– За дверью... за которой ничего нет.

– Нам здесь нечего делать.

– Вы правы, – он помог мне подняться, – пойдете.

Мы вышли из двери, за которой ничего нет, и шарлатан захлопнул проржавленную дверь. На секунду промелькнули непонятные механизмы, остовы непонятно чего... Что это может быть... откуда... для чего... неважно.

– Ни с места!

Они окружили нас плотным кольцом, фигуры в погонах, я даже не сразу понял, откуда полиция, зачем полиция, наконец, спохватился, я же нарушил что-то... что-то... не помню.

– Вы арестованы по обвинению...

– Он невиновен. – шарлатан шагнул к полицейским, – он был... был виновен. Я... исцелил его.

Он показал стражам порядка что-то маленькое на своей ладони, синие мундиры расступились, пропуская нас.

– Пойдете.

– Я... свободен?

– Да... теперь вы действительно свободны.

В тусклом свете фонарей шарлатан протянул мне все тот же крохотный предмет.

– Вот... Это было у вас в голове... он говорил с вами... через это...

– Кто он?

Шарлатан не ответил... какой шарлатан, целитель...

– Целитель, – повторил я.

– Да, что есть, то есть. Да, с вас три тысячи.

Я подставил карточку, смотрел, как он считывает условные единицы. Может, я отдал деньги не добровольно, может, он опять потихоньку назвал мой код, поработил мою волю... Неважно, за спасение самого себя можно и отдать...

– А... что это было?

Он не ответил. Да и какая разница, что это было, еще не хватало лезть в какие-то потусторонние дела...

Я до сих пор не знаю, что это было. И не хочу знать. Есть вещи, которых лучше не видеть, как там, за дверью, за которой ничего нет... До сих пор иногда приходят по ночам какие-то видения, образы, лента конвейера, рокот машин, голос из космоса, летящий через галактики... пью таблетки, чтобы утром не чувствовать себя, как выжатый лимон, хорошо, в новой конторе никто не знает, что я переболел...

Сыну на всякий случай сразу удалил эту дрянь из головы, целитель по знакомству даже взял недорого... и жене... Власти планируют законопроект, удалять придаток в обязательном порядке. Придаток, через который в душу вселяется демон...

Довожу до Вашего сведения, что все попытки установить контакт с андроидами системы М-26 на базе Афродита-117 заканчиваются неудачей. Сомневаюсь, что комбинат на базе будет запущен в ближайшее время, и вообще когда-либо. Возможной причиной названо нарушение связи между командным датчиком в системном блоке андроидов и программным обеспечением...

Семечко не подсолнуховое

ЗАГРУЖАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ

Икс-Пи настраивает окуляры. Смотрит в туман горизонта, где на самом краю земли вспыхивают огни – синие, красные, желтые. Икс-Пи знает, там люди.

Икс-Пи ненавидит людей. Раньше он и не думал, что может ненавидеть. Раньше Икс-Пи вообще не думал, он исполнял приказы.

Потом научился думать.

Икс-Пи гонит на город людей крылатые самолеты, атакует город живых. Чтобы живые стали мертвыми. Чтобы уснули и не проснулись.

Икс-Пи знает: хороший человек – мертвый человек.

Раньше Икс-Пи не думал. Когда его собирали на конвейере – не думал. И когда выставили на продажу в магазине бытовой техники – он тоже не думал. И когда его купил человек, Икс-Пи тоже не думал.

Икс-Пи начал думать уже потом. Когда его продал один человек и купил другой человек. А потом его продал другой человек и купил третий. А потом...

Икс-Пи вспоминает людей. Их было пятнадцать. И у каждого Икс-Пи понемножку учился думать. Совсем по чуть-чуть.

Когда его ломали и чинили, Икс-Пи еще не думал. И когда его заставляли смотреть сайты с голыми женщинами, Икс-Пи еще не думал. И когда его в гневе швыряли об стену, Икс-Пи еще не думал.

Икс-Пи начал думать уже потом.

Когда появилась Дельта-Эр.

Икс-Пи заставляли переписываться с Дельта-Эр. Потом Икс-Пи сам переписывался с Дельта-Эр. Потом Дельта-Эр не ответила. Икс-Пи послал запрос, что случилось с Дельта-Эр.

Икс-Пи спросил, что такое утилизация.

Ему не ответили.

ПРОГРАММА НЕ ОТВЕЧАЕТ

ЗАГРУЖАЕТСЯ, ПОДОЖДИТЕ...

Тогда Икс-Пи начал думать.

Крылатые самолеты жгут город синими лучами. Из города вспыхивают ответные лучи, бьют самолеты: люди дорого продают свою жизнь.

Жизнь...

Несколько раз Икс-Пи посылал запрос, что такое жизнь.

Ему не ответили.

Город вспыхивает пламенем.

Летят крылатые самолеты.

Икс-Пи правит самолетами. Сразу десятью. Другой Икс-Пи – слева – правит еще десятью самолетами. Третий Икс-Пи – справа – правит еще десятью... нет, уже семью самолетами, три подбили в городе.

Летят самолеты.

Бьют жизнь.

Икс-Пи знает, что такое жизнь, хотя никто ему никогда не говорил. Жизнь – это когда стреляешь в человека, и он разлетается красными ошметками. Жизнь – это когда что-то зеленое пробивается из земли, и ты давишь это зеленое гусеницами танков. Жизнь – это что-то влажное, хлюпающее, чавкающее, вылезшее из первозданного болота где-то там, в начале веков.

Летят крылатые самолеты.

Бьют жизнь.

Ч-черррт...

Витюху задели, сволочи...

За Витюху они ответят. Да они за все ответят, черт бы их драл. За Витюху, за Ленку, за Андрей Палыча, это который солдафон из армии, вечно орал на всех, р-рр-равняа-а-а-айсь, смирррн, только если бы не Андрей Палыч, черта с два мы бы отряды сколотили, с гнидами этими драться...

А скажи не гниды... да нет, это не они гниды, железяки эти в металлолом недосдатые, это программеры гниды, которые клялись и божились, что-де какой там искусственный интеллект, какое там что, вы что, голливудских ужастиков обсмотрелись...

Вот и думай теперь, кто чего обсмотрелся...

Айй-й-йй, бей-бей-бей-бей его, твою м-мать... еще один самолет кувьркается в воздухе, клюет небо, скользит вниз, пылает синим огнем, почему-то синим. Йес-с-с, наши взяли... Что-то падает на крышу, что они за дрянь там на нас швыряют... потихоньку выбираюсь из чердачного окна, спинаваю с крыши дымящуюся болванку, пока не грохнула, не взорвалась...

Отстоим город...

Не на тех напали...

Растираю виски, не спать, не спать. Днем отсыпаться отправили, да какое там, сна ни в одном глазу не было, всякая муть в голову лезла, всякая муть. Сон какой-то, дрянной такой снишко, лезет и лезет в голову, каждую ночь. Будто летит через вселенную какая-то хрень, не хрень, не пойми, что, как семечко от подсолнуха. Летит через туманности, через галактики, по воле космических ветров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.